

Владимир Уланов

Княжеский крест

*Тогда Иисус сказал ученикам своим:
если кто хочет идти за Мною,
отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за
Мною.*

Мф. 16.24 из Евангелия

Будьте мудры, как змеи и просты, как голуби.

Из Св. Писания

Часть I

Испытание

О, злее зла честь татарская

Из летописи

1

Ранней весной глава католической церкви папа римский Иннокентий VI сидел у раскрытого окна, наслаждаясь вечерней прохладой. В парке его резиденции буйно цвели сады, принося в помещение, где находился священнослужитель, тонкий аромат цветущих деревьев. В этом году

весна пришла ранняя, теплая, радовала солнечными и даже жаркими днями.

В это время мысли папы римского были далеко от своей благодатной страны. Сейчас его волновало совсем другое. Как глава католической церкви он заботился о расширении ее сферы влияния на веру и умы народов. Почти вся Европа была беспрекословно подчинена римской церкви. Везде были его ставленники кардиналы, посланники иезуиты, которые несли слово божье верующим и еретикам. А кто не хотел попадать под влияние истинной веры, для тех применялись различные методы соблазна, запугивания и насилия. Иезуиты — верная гвардия папы — ради истинной веры шли на подкуп, лесть, обман, а в некоторых случаях применялись яд, кинжал и завоевание чужих земель для насаждения католичества. На все это их благословлял глава католической церкви, обещая им прощение всех грехов и вечное блаженство в раю после смерти.

Сегодня думы Иннокентия, прежде всего, были о непокоренных еретиках — литовских и финских, а особенно русских народах. Необъятная и богатая Русь издавна не давала покоя римской церкви. Видя раздробленность Руси, вражду между князьями и их обособленность, неумение объединиться против своих врагов, еще в декабре 1237 года папа Григорий Девятый призывал начать

крестовый поход против еретиков русских. Политическая обстановка на Руси давала надежды на большой успех задуманного похода. Русь была разделена на многие княжества с самолюбивыми, завистливыми и алчными князьками, которые постоянно вели междоусобные войны. Кроме того, татарские орды сначала Чингисхана, а затем хана Бату полностью ослабили Русь и разорили западные и южные княжества русских. Появилась возможность отхватить лакомые кусочки от Литовского, Галицкого и Новгородского княжеств. Но там католикам оказали жесточайшее сопротивление, особенно русские под предводительством Александра Ярославича, новгородского князя. Завоеватели новых земель — шведы и немецкие крестоносцы — были полностью разбиты талантливым полководцем на Неве и Чудском озере. Не добившись желаемого, католическая церковь не успокоилась на этом. Папа Иннокентий решил добиться своего если не силой, то хитростью и попытаться переманить русских на свою сторону, используя непростое положение Руси как во внутренних распрях между князьями, так и с Золотой Ордой, которая жаждала покорить русские земли. Они уже опустошили большую часть княжеств непокорной Руси. Ненасытные полчища татар грабили завоеванные земли, сжигали города, убивали и угоняли людей в плен на

непосильные работы. Все это давало возможность католической церкви попытаться использовать сложившуюся обстановку в своих целях.

Осмыслив все это, Иннокентий решил действовать, но уже по-другому, более осторожно, брать хитростью, лестью, коварством ради божьего дела, дабы обратить заблудших еретиков в католическую веру.

От всех этих размышлений его оторвал брат Гавидо, бывший у него в услужении. Монах неслышно подошел к папе и сообщил:

— Ваше святейшество, к вам пришли кардиналы Вильгельм де Рубрук, Плано Карпине и легаты Гольд и Ремонт.

Иннокентий сразу же оживился, на его суровом лице промелькнуло подобие улыбки, в глазах появились радостные огоньки. Его худощавое лицо немного оживилось, но он быстро овладел собой, надел маску неприступности и суровости и уже с безразличием произнес:

— Зови их, брат Гавидо.

Монах открыл дверь, позвал священнослужителей и удалил пропуска приглашенных. Те неспешно приблизились к папе, по очереди приложились к сухой ручке Иннокентия. Тот пригласил их сесть на кресла, которые стояли вдоль стены.

После того как кардиналы и монахи удобно

расположились, Иннокентий произнес:

— Я пригласил вас для очень важного разговора о деле, которое потребует много сил и, возможно, даже вашей жизни ради нашей святой веры.

Приглашенные смиренно слушали, опустив глаза в пол, не задавая вопросов.

Папа, пристально глядя на сидящих перед ним служителей католической церкви и Ватикану, своим старческим, но еще сильным голосом продолжал:

— В странах Европы наша церковь имеет почти везде свое влияние и беспрекословное подчинение нашему слову божьему, кроме Литовского княжества и княжеств Руси. Вы не хуже меня знаете, что с востока идут несметные полчища варваров, так называемых татаро-монгол. Они уже разбили в пух и прах русских на реке Калке и опустошили южную и западную Русь. Мало того, их хан Батый, который образовал свое ханство в низовьях реки Итиль, без особого сопротивления прошел почти всю Европу, завоевал венгерское княжество и вышел к Адриатическому морю. Но благодаря тому, что ханы, которые шли вместе с Батыем, рассорились из-за соперничества за власть и ушли от него, мы спаслись от нашествия варваров, а Батый, побоявшись, что у него в тылу непокорные русские, приостановил поход и

вернулся на реку Итиль, где основал город Сарай. Мы во что бы то ни стало должны распространить свое влияние не только на русских, финнов, литовцев, но и на татар. Наши иезуиты обязаны быть везде и наставлять этих варваров словом божьим, нашей католической церкви.

Вильгельм Рубрук заерзал на своем креслице и, перебив папу, спросил:

— Неужели, ваше святейшество, думаете нас послать к этим дикарям и варварам? Они ведь еще не люди! Татары ходят в шкурах, и у них обычаи, как у хищных животных. Эти люди не щадят не только другие народы, но и друг друга. Ехать-то туда, ваше святейшество, даже страшно.

— Не надо бояться, брат Вильгельм, с вами будет распятие, святое писание, слово божие и мое благословение.

Кардинал Рубрук примолк, смиренно опустил голову, перебирая четки.

Иннокентий продолжил, вкладывая в свои слова интонацию, не терпящую никакого возражения:

— Вам, Вильгельм Рубрук, Иоанну де Поликарпо и Плано Карпине предстоит путь в Орду и далее в центр варварского гнезда Каракорум. Путь будет дальний и опасный. Поэтому к путешествию готовьтесь тщательно, подберите с собой каждый по несколько монахов и иезуитов для

выполнения различных поручений и для связи со мной. Мне постоянно пишите полные отчеты о вашем путешествии: что увидите, услышите, а также о деяниях, которые вы будете совершать ради святой церкви и распространения нашего божьего слова. Тебе, Вильгельм, быть главным во всем этом деле. Ваша задача, кардиналов святой католической церкви, вести переговоры с татарами. Их не бойтесь, они терпимы к любой вере, хоть и язычники. Кроме того, старайтесь столкнуть лбами русских князей как между собой, так и с татарами. Не гнушайтесь ничем. Сейчас русские князья приезжают на поклон к Батыю, а также к царице татарского престола Туракине, регентше сына своего Гаюка, чтобы получить ярлык на княжение в своих же княжествах. Предлагайте татарам свою дружбу и любовь, не гнушайтесь обещаниями, дарите им подарки.

— Ваше святейшество, — прерывая речь папы, неожиданно спросил Иоанн де Поликарпо, — где же мы подарков дорогих наберем?

Папа нахмурился, недовольный тем, что его прервали, но с раздражением ответил:

— Все, что вам нужно, будет выделено из нашей казны. Мы не пожалеем сил и средств, для того чтобы обеспечить безопасность Европы от татарского нашествия. Хотя великое царство, которое создал Чингисхан, уже стало распадаться

на отдельные улусы и орды, но опасность для нас еще велика. Надо сделать так, чтобы татары рассорились с русскими и воевали друг с другом. Мы в это время будем действовать по принципу: разделяй и властвуй. Попытаемся подчинить под свое влияние Литовское, Галицкое и Новгородское княжества.

После этих слов Иннокентий повернулся в сторону монахов Гольда и Ремонта и, обращаясь к ним, в приказном тоне сказал:

— Вам же, братья, Иисусовы слуги, придется отбыть в Новгородское княжество. Возьмете с собой монахов и иезуитов, пусть они поживут в Литовском и Галицком княжествах, а в Новгород к князю Александру явитесь сами и попытайтесь его уговорить венчаться королем Руси с принятием католичества. Он пока почему-то не торопится посетить татар, либо что-то выжидает, либо что-то задумал. Своего старшего сына Андрея князь Ярослав уже давно отправил в Каракорум, и он уже у татар доживает второй год, и как сообщают мне братья-монахи, и сам Ярослав собирается отбыть сперва к Батыю, затем в их столицу.

И обратившись к Иоанну де Поликарпо, наставительно сказал:

— Тебе же, брат Иоанн, необходимо любым путем помешать переговорам князя Ярослава и, самое главное, стравить их друг с другом. Здесь все

средства хороши. Запомни, что мир между татарами и русскими нам не нужен.

Монах Иоанн поднял голову, перестал перебирать четки и озабоченно спросил:

— Сколько же дней пути до Каракорума?

— Наверно, месяца два, а может и три, как будете поторапливаться в пути, — ответил Иннокентий, поправляя шапочку на голове. Он медленно встал и начал прохаживаться по своему кабинету. Подошел к раскрытому окну и, вглядываясь куда-то вдаль, не поворачиваясь к своим собеседникам, сказал:

— Ради веры нашей, ради слова божьего и наставления варваров на путь истинный мы пойдем куда угодно, мы понесем слово божие.

Папа повернулся к сидящим, поправил свою мантию и, снова усевшись на искусно отделанное слоновой костью и золотом массивное кресло, которое больше походило на трон, продолжил:

— Вспомните, братья мои, скольким уже народам мы указали путь к вере в Господа нашего, принесли варварам культуру, вложили в их умы и уста божие слово. Наш путь не был устлан розами и богатством, он был тернистым и даже мученическим. Многие братья ради нашей веры положили свои жизни, но знайте, Господь все видит, все знает. Каждому из вас воздастся по заслугам за служение Господу, и будет вам вечное

блаженство в чудесных садах рая.

— Ваше святейшество, на какое время нам планировать свой путь в далекие края? — смиренно спросил Плано Карпине.

— В ближайшее время вы должны отправиться в дорогу, чтобы опередить владимирского князя Ярослава. Вам, прежде всего, нужно до прибытия русских создать о них отрицательное мнение у татарских ханов.

Плано Карпине приподнял голову, устремив преданные голубые глаза на папу, смиренно спросил:

— А если татары нам не поверят, что тогда?

Усмехнувшись, папа ответил:

— Возможно, и не поверят, но своим словом вы внесете сомнения в их умы, а это уже немало. Татарские ханы редко кому доверяют. Они тоже, как и русские, враждуют меж собой, соперничают из-за власти. Придет, конечно, время, когда это варварское государство развалится, но это будет еще не скоро. У татарских ханов всегда рождается много детей. Сыновей своих они наделяют владениями, где бы они могли кормиться, иметь свою армию и повелевать народами. Все это приводит их к вражде между собой. А если вы очень тонко намекнете, что русские князья что-то замышляют против них, то им грозят большие неприятности. В этих случаях татары очень

жестоки. Часто после приема в Орде и в Каракоруме вызванные князья лишаются жизни.

— А если и нас постигнет такая участь? — в страхе спросил Иоанн де Поликарпо.

— Едва ли. Во-первых, вы явитесь к варварам не с просьбами, а с божьим словом и с предложением великой дружбы. Кроме того, одарите их богатыми дарами. А это татары любят, чтобы брать и ничего не давать. И еще, они терпимо относятся к священнослужителям любой веры. Но предупреждаю: не лезьте сразу же к ним с нашей верой, а присмотритесь сперва. Изучите их жизнь, быт, каким идолам они поклоняются. Относитесь с уважением к их обычаям и верованиям, они это очень любят.

— А кто же у них Бог, кому они молятся? — опять спросил иезуит Иоанн.

— Молятся они, как утверждают монахи, уже побывавшие у них в логове, всеобщему Богу и Чингисхану. Они Чингисхана обожествили и обращаются к нему, считая, что он с неба все видит и слышит и помогает побеждать врагов.

Монах Гольд, поправив свою черную накидку с капюшоном, прекратив перебирать четки, подобострастно глядя на папу, спросил:

— А правда ли говорят, что татары заставляют всех пить свой отвратительный кумыс, а когда сильно угодишь хану, то в знак

благодарности он дарит женщину и заставляет на ней жениться? Как же быть нам в таком случае?

Иннокентий на некоторое время задумался, затем ответил:

— Все это, конечно, искушение дьявола, но от кумыса и подарков хана ни в коем случае не отказывайтесь. А если уж и подарит вам хан татарку, спать с ней и грешить вас никто не заставляет. Пусть будет у вас в услужении. Но это не самое главное, что вы встретите на своем пути, много вас еще ждет испытаний, поэтому будьте мудрыми.

Все присутствующие молчали, никто больше не проронил ни слова, весь их вид выражал покорность и желание служить Богу. Они не принадлежали себе и поэтому по первому же зову должны были идти хоть на край света, чтобы нести божье слово.

2

В этом году осень выдалась теплая и почти до самого ноября радовала хорошей погодой. Деревья уже скинули листву, стояли обнаженные и тихие, как бы ожидая зиму, когда она наконец-то наступит и оденет их в белые шубы, покроет ветви серебристым инеем. И действительно, уже к концу месяца стало холодать, полетели первые снежинки.

Подул холодный ветер.

Князь Александр Ярославич со своей дружиной подъезжал к городу Владимиру, где правил его отец князь Ярослав Всеволодович. Он спешил и не давал передохнуть своим ратникам. Многочисленная конная дружина князя была хорошо вооружена. Закаленные в боях воины понимали, что надо поторапливаться, и никто из них не произнес слов недовольства.

На каждом воине поблескивали кольчуга и латы, к седлу приторочено копьё, щит круглый или треугольный, сбоку пристегнут изогнутый или прямой меч. На голове сферической формы шлем с невысоким шишаком, который отводил в бою от смертельных ударов меча, топора или кистеня.

Сам же молодой князь Александр заметно отличался от своих воинов и по военному снаряжению, и внешним видом. Его лицо, на первый взгляд румяное и добродушное, уже носило на себе печать власти. В переносье пролегли две не по годам глубокие складки, а голубые глаза во время решительных действий становились синими, светясь стальным блеском. Из-под шлема с откинутой полумаской выбилась темно-русая прядь волос с ранней сединой. С левого боку в ножнах был пристегнут длинный острый меч с перекрестием и полуторной рукояткой. Вместо кольчуги были надеты пластинчатые доспехи с

нагрудными зеркательными бляхами, на запястьях поблескивали стальные поручни, а на ногах наколенники. Сверху небрежно накинута плотная красная накидка.

Князь спешил, боясь, что не захватит своего отца, который собирался в ближайшее время отправиться в Орду, а там и в Каракорум.

Александр Ярославич за победу над шведами на Неве был прозван в народе Александром Невским.

Знал бесстрашный воин, что путь его отца к татарам будет нелегок. Часто русские князья, вызванные татарами на поклон к ханам, пропадали бесследно в степях или были убиты по прихоти татарских ханов. Поэтому-то тревожился Александр за своего отца, зная, какие испытания ждут великого князя Владимирского.

Вот и показались высокие стены Владимира. Александр Невский, не ожидая, когда подойдут его обоз и утепленные крытые возки, в которых ехали его жена Александра с дочерью и сыном Василием, пришпорил коня и, увлекая за собой всю дружину, во весь опор помчался к воротам города. Со стен дозорные, увидев воинов, дали знак о приближении к крепости ратников. Вскоре на колокольне ударил набат, извещая город о великой радости — приезде Александра Невского. Городские ворота распахнулись, ожидая путников. А у ворот

появился и сам Ярослав, и его приближенные воины и слуги. Князь с нетерпением ожидал сына, чтобы обнять его и провести в готовые хоромы, которые недавно отстроили специально для Александра. Отец его очень любил, чем вызывал ревность у других своих детей. Это были, что называется, родственные души. Все их мысли и дела были схожи, и они подолгу просиживали за беседой при редких встречах. Они оба хотели укрепить Русь как единое государство, прекратить споры и войны между князьями, чтобы дать отпор нападающим врагам с запада и востока.

Александр у ворот остановил коня, бросил поводья, подбежал к отцу, и они обнялись и расцеловались.

— Я уж, батюшка, не чаял, что захвачу тебя еще здесь!

— Зря так спешил, сын, я ведь двинусь в путь, когда ударит хороший мороз, когда станут реки. Уж больно хлопотно через них сейчас переправляться. Так что, сын, у нас с тобой еще недельки две будет возможность провести вместе. А жена и детки-то где? — спросил князь Ярослав.

— Да вот они, в возке подъехали, — указал Александр на подъезжающую крытую повозку.

— Погляжу на своих внучат, какие они стали, — сказал князь и пошел встречать сноху с внуками.

— Дед, а, дед, что же ты и меня не обнимешь? — подходя к великому князю, спросил маленький внук Василий.

Ярослав с удивлением посмотрел на мальчика, одетого по росту в кольчугу, в шлеме и с маленьким мечом на боку, и воскликнул:

— Надо же, внук мой княжич Василий! Настоящий воин! — и обнял его, приговаривая: — Воин-то какой стал, пора уже и княжить. Надобно подобрать тебе княжество. Где княжить-то хотел бы? — хитровато прищурившись, спросил дедушка.

— А вот, ты великий князь владимирский, уедешь к татарам, а я останусь за тебя править княжеством.

— Вот это достойный ответ княжича! — восхитился Ярослав, а затем добавил: — Вот только ты еще маловат маленько, но немного уж осталось. Сколько тебе годиков?

Василий, выпятив грудь, гордо ответил:

— Шестой год пошел. Пора уже княжить. Вот ты уедешь в Орду, я за тебя и останусь.

Все окружающие заулыбались, а дед, подняв внука на руки, поцеловал его, с улыбкой сказал:

— Сразу видно, чья кровь течет у этого молодого князя! Настоящий витязь! Наверно, и князь из него хороший будет. Есть нам теперь, Александр, на кого дело свое оставить!

Поставив на ноги внука, Ярослав

Всеволодович обнял сноху Александру, поцеловал внучку со словами:

— А ты, Александра, все хорошеешь, и дочь вся вылитая в тебя уродилась, чем больше она становится, тем больше на тебя похожа. Видно, с князем Александром живете душа в душу. Ведь недаром на Руси говорят: если жена хорошеет, значит, муж жалеет свою суженую.

— Жалеет, батюшка, не обижает. Вот только редко бывает дома. Опять готовит поход на литовцев. Говорит, что одолели они русскую землю своими набегам. И не знаешь, батюшка, после таких походов принесут его на щите, или калеккой вернется, или убьют злые враги, но пока Господь милует его. Видно, Господом ему предначертано нести свой тяжкий княжеский крест.

После слов княгини отец и сын многозначительно, с улыбкой переглянулись, и Ярослав сказал:

— Видно и вправду Богу угодно, чтобы мы за свою Русь, за свой народ радели, не жалея живота своего.

Великий князь, взяв за руки внучку Евгению и внука Василия, повел их в ворота, увлекая всех гостей за собой.

Жители города стояли вдоль дороги, которая вела к новым хоромам князя, желая увидеть народного героя, витязя Александра Невского. То и

дело из толпы слышался крик:

— Слава Александру Невскому! Слава нашему герою!

Александр смущенно улыбался, с интересом разглядывая горожан. А люди все прибывали и прибывали, каждый из них хотел увидеть прославленного полководца и даже прикоснуться к нему. Многие помнили его, когда он был еще совсем маленьким княжичем.

Князь Ярослав с внуками и невесткой Александрой вошли в новые княжеские хоромы, а Невский задержался на подворье, для того чтобы дать распоряжения по размещению своей дружины. Он стоял в окружении сотников и десятников, указывая им, где какая сотня расположится на постой, когда на подворье рысью въехали его братья Константин и Андрей. Завидев брата, соскочили с коней, бросили поводья, радостно улыбаясь, подошли к гостю. Константин обнял Александра, расцеловал его по-христиански крест-накрест, похлопав по плечу, сообщил:

— А мы тебя, братец, сегодня не ждали и с Андреем решили немного поохотиться в ближних лесах, — и, указав на притороченную дичь и кабана, привязанного и переброшенного через седло, пояснил: — Нынче в лесу прорва дичи, и кругом ходят кабаньи стада. Видно, после опустошительных разорений и пожаров южных

русских земель даже птицы и звери лесные ушли к нам.

— Но вы, братцы, молодцы, — похвалил Александр, — как раз свеженины добыли к нашему приезду. Будем готовить твоего кабана на вертеле и попьем медов и хорошего вина.

Андрей, стоящий сзади Константина, наконец, вышел вперед, подошел к брату, и они обнялись. Невский, обнимая Андрея, сказал:

— И здоров ты, братец, стал, пора тебе где-нибудь княжить. Может, уж давно бы княжил, если бы не татары. Теперь они раздают по своему велению ярлыки на княжение. Без Орды и Каракорума мы ничего не решаем, пока ханша Туракина не повелит, где кому править.

Александр повернулся к Константину, спросил:

— Ты, братец, проехал Русь, степи, побывал в самом логове монголов. Неужели Русь действительно так разорена, как люди рассказывают, которые бегут к нам с южных земель?

— Так оно и есть, братец, — грустно ответил Константин и добавил: — Кругом сожженные города и поселения. Разрушены крепости Козельск, Смоленск и многие другие. Везде разорение и смерть, принесенная бесчисленными полчищами голодных татар. Только человеческие кости да стаи

черных ворон можно увидеть на русской земле или оборванного нищего, упорно пробирающегося подальше от этих опустошенных мест, да конные разъезды монгол, рыскающих по степи в поисках добычи.

Александр Невский, перебив рассказчика, спросил:

— Скажи, Константин, чем же татары берут, неужели уж они так сильны, что побеждают всех своих противников?

— Представь, Александр, монгольского воина. Это низкорослый человек, скуластый, с узкими глазами, одетый в шкуры, на голове отороченный мехом колпак, на небольшой, правда, выносливой лошаденке без седла. Их воины имеют до трех луков с полным колчаном стрел и обязательно аркан, которым они владеют ловко. Более богатые вооружены кривым мечом, а некоторые пикой с крючком на конце, чтобы стаскивать человека с седла. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев. Так, в основном, выглядят все их воины. Против наших ратников они слабы и берут в бою большим числом, хитростью и коварством.

— А как же организовано их войско? — поинтересовался уже побывавший во многих битвах полководец.

— А это, Александр, еще интересней. Войско

монголов делится на десятки, сотни, тысячи и тьмы. Во главе десяти человек стоит десятник, во главе десяти десятков — сотник, во главе десяти сотен — тысячник, а во главе десяти тысяч — тьмы — ставят двух или трех вождей, а подчиняются они кому-нибудь одному из них. Когда же войско воюет, то, если из десяти человек кто-то бежит с поля боя, то умерщвляются все. Кроме того, если в бою кто-то из трусости не вступает в бой, то всех тоже убивают, а если из десяти в плен попадает хотя бы один воин и он не освобождается, то всех тоже умерщвляют. За невыполнение приказа начальника — смерть. Вот они поэтому и прут на своих врагов с таким упорством. Потому что у них нет выбора: или с честью погибнуть в бою, или остаться жить, если повезет, и еще быть с добычей.

— Да!. — молвил Александр, покачав головой. — Действию — тельно, трудно противостоять такому сплоченному войску. Немудрено, что наша русская армия была разбита на реке Калке, а затем на реке Сити, где погиб наш дядя, великий князь Владимирский Юрий Всеволодович.

— И это еще не все, Александр. Когда татары идут в поход, с войском движутся на повозках, запряженных лошадьми, верблюдами или быками, все их жены, дети со всем хозяйством. Воин свою добычу тут же доставляет по возможности в руки

жены. И вот когда движется татарское войско, оно и вовсе кажется бесчисленным. А когда они осаждают крепость или город, защитники, увидев несметное количество костров ночью, иногда с перепугу без боя сдаются.

— Серьезный противник, татары, — задумчиво произнес Невский.

— Уж куда серьезней, — подтвердил Константин и добавил: — Уж я-то насмотрелся на этих татар. До сих пор лихо. Думал, никогда не выберусь оттуда живым. Господь, видно, помог мне вернуться домой. Но вот теперь нашего батюшку ханша потребовала. Боюсь, как бы худо не было. Отец наш больно горяч, дров бы там не наломал.

— Не бойся, сынок, не наломаю, — неожиданно прозвучал голос отца, который подошел сзади, проводив Александру с детьми в княжеские палаты. — С татарами говорить с норовом — только себе вредить. Мне надобно получить от татарских ханов ярлык на правление княжествами. А ради этого я буду мудрым как змей и прост как голубь. Я думаю заключить с татарами мир, в битве нам с ними тягаться еще рановато. Надо еще Русь объединить, только тогда мы будем силой, которая станет противостоять им. Иначе они придут и разорят, и пожгут наши земли, города и поселения.

— Неужели, батюшка, ты хочешь с татарами

мир водить, а не бить и уничтожать их любым способом? — возразил Андрей. — Я никогда не смирюсь с этими косоглазыми и буду уничтожать их всеми силами.

— И будет с твоей стороны очень глупо. Как только татары узнают, что ты с ними собираешься воевать, сразу же пошлют тьму, а может быть, и не одну. И вряд ли ты со своей дружиной устоишь против них. Только навлечешь на себя беду, — сказал Константин.

— Хватит, сыны мои, говорить, пойдемте в гридницу. Надо гостей наших угощать. Вон Александр с дороги устал и, наверно, есть хочет. Про татар можно говорить сколько угодно, только нам от этого лучше не будет. О них мы потом поговорим поподробней. Константин почти два года у них находился. Все про них знает, потом обо всем нам расскажет, — и, обняв сына за плечи, повел его в княжеские палаты, увлекая за собой остальных сыновей.

— Я ведь не распорядился, чтобы мою дружину покормили, заговорили совсем меня братья с этими татарами, — вдруг остановился Александр.

— Не волнуйся, сын, я уже распорядился, чтобы твои воины хорошо покушали и напоены были медами.

Александр с благодарностью посмотрел на

великого князя, ответил:

— Ты, как всегда, отец, прежде всего думаешь о дружине, чтобы они были сыты и хорошо отдохнули.

— Да уж, сын, вся моя жизнь прошла в походах, поэтому привык заботиться о своих ратниках. А у тебя витязи как на подбор. Я смотрю, что многие из них, еще когда ты был подростком, в твоей малой дружине служили. Я сам набирал крепких ребят твоего возраста. А сейчас стали настоящими богатырями. Уделил бы мне десятка два таких витязей для сопровождения в татарское логово.

Александр молчал, не говоря ни да ни нет.

— Что молчишь?

— Я не думаю, отец, что у тебя в дружине хорошие воины извелись, — улыбаясь, ответил молодой князь, — я сам у тебя хотел попросить на помощь часть твоей дружины для будущего похода.

— Никак в поход опять собрался? Кого же громить в этот раз?

— Литовцы опять зашевелились. Делают набеги на Смоленскую, Витебскую, Псковскую и Новгородскую земли. Надо проучить литовцев и отбить у них охоту грабить наши земли.

— Папские воины тоже не успокаиваются. Все мечтают от Руси отхватить лакомый кусочек, — грустно сказал Ярослав и добавил: — И

время-то выбрали такое, когда мне надо ехать в Орду.

— Я один с ними справлюсь, вот тебя провожу и сразу же в поход двинусь.

— Ладно, Александр, хватит о наших врагах, идем в палату, там уже столы накрыты с шипучими медами и яствами. — Потом с грустью вдруг сказал: — На могиле вашей матери и жены моей Феодосии побывать бы. Да далеко до Новгорода, не ускачешь. А хотелось бы перед дальней дорогой. Уж больше года как она умерла, а я все еще не нахожу себе места. Славная была княгиня, помогала мне вести все хозяйственные дела, а сейчас все в запустении. Вот приеду от татар, надобно все приводить в порядок.

Отец и сын вошли в гридницу, где были накрыты широкие столы, где красовались уже зажаренная дичь, разные закуски, сладости, вино и русские меды. Княжеские скоморохи грянули веселую музыку. Заиграли сопели, ударили бубны и накры, закрутились в веселой пляске шуты. Князь Ярослав любил веселую музыку, и скоморохи это знали, поэтому старались угодить великому князю.

Ярослав Всеволодович и Александр сели за стол, за которым уже сидела вся княжеская семья. Великий князь произнес:

— Давно мы уже вместе не собирались, чтобы повеселиться и от души поговорить. Кто знает,

придется ли еще нам всем пировать за одним столом, один Господь ведает.

3

В этом году зимние холода наступили рано. Было только начало декабря, а морозы ударили крепкие. Реки и озера покрылись толстым слоем льда, что значительно облегчало путь через реки посланникам папы Иннокентия IV в Орду и далее в Каракорум в монголо-татарскую империю. От длинной и утомительной дороги, которую проделали кардиналы и монахи-иезуиты, все очень устали. Они молили Бога, чтобы она скорее кончилась. Путники ехали в крытых повозках и верхом на лошадях. Изнуренные дорогой лошади медленно тащились по равнине. Кругом была унылая степь, запорошенная снегом. Только иногда в оврагах и по берегам попадающихся речушек виднелись ивы и небольшие кустарники да высохшие камыши у берегов озер. Сухой ковыль, еще не спрятавшись под мелким снегом, колыхался под дуновением ветра, пробиравшего путников до костей. Католики кутались в свои плащи с капюшонами, надев под них все теплые вещи, которые у них были. Но холод проникал повсюду. Путники, чтобы не замерзнуть совсем, часто выскакивали из своих повозок и шли рядом, чтобы

согреться при ходьбе, а когда была возможность, останавливали свой караван, ставили повозки кругом, зажигали костер, грелись и готовили горячую пищу. Путь их был нелегок. Кроме всех трудностей, которые они встречали на своем пути, им часто докучали татарские разъезды, рыскающие по бескрайней степи в поисках добычи. Тогда служителям церкви приходилось с трудом отбиваться от наглых и назойливых татар и даже вставать в оборону, вытащив оружие из-под плащей. Каждый иезуит прекрасно владел мечом и мог постоять за себя, но до кровопролитной драки дело не доходило, так как кардиналы сразу же приводили толмача, который сопровождал их в пути. Тот объяснял им, что это посланники римского папы, и показывал подорожную, при — сланную ханом Бату главе церкви Иннокентию, для свободного продвижения послов. Тогда татары требовали от путников подарков. На этот случай у монахов были заготовлены всякие безделушки из меди и цветного стекла.

Всякая дорога, какая бы она ни была длинная, заканчивается. Уже к полудню путники на горизонте увидели татарскую столицу.

Вильгельм Рубрук велел всех предупредить, чтобы были готовы ко всяким неожиданностям. Из рассказов монахов он уже знал, что татарские воины, которые рыщут вокруг города, способны на

все. Он обратился к кардиналам и монахам:

— Братья, сейчас начинается самое трудное. Ведите себя спокойно, не вступайте с воинами хана в разговоры, будьте осторожны. Не вздумайте обнажать оружие против татарских воинов. Иначе все для нас может кончиться очень плохо. Все разговоры будем вести через толмача.

— А если они полезут в наши повозки и начнут грабить, что тогда делать?

— Конечно, они будут вести себя как победители и, действительно, постараются взять у нас что-нибудь. Поэтому давайте всякие безделушки и заготовленные для такого случая недорогие яркие ткани, но самое главное — берегите, чтобы они не отобрали подарок хану Батыю от нашего папы римского.

— Да уж мы его и так упрятали на дно телеги, заложили шкурами, — ответил, кутаясь от холода в свой плащ, кардинал Иоанн де Поликарпо.

Вильгельм Рубрук повернулся и, обратившись к иезуиту Вергилию, попросил:

— Пересядь на верховую лошадь, объезжай все возки и попроси всех, чтобы были настороже.

В это время Плано Карпине, выглянув из возка, испуганно сообщил:

— Ну вот, к нам и гости пожаловали!

Все притихли, растерянно поглядывая друг на друга, кардинал Вильгельм, взглянув на своих

спутников, улыбнулся и мужественно сказал:

— Что приуныли? Ничего не бойтесь. Привыкайте к бесцеремонности воинов великого хана Бату.

Послышался топот копыт, всхрапывание лошадей. Караван остановился, а татарские свирепого вида всадники закружили вокруг возков, потрясая короткими копьями, кричали:

— Кху, кху, кху...!

Монгольские воины, одетые в длиннополые шубы, с остроконечными меховыми шапками на голове, с темными безбородыми лицами, раскосыми глазами, кружили вокруг крытых телег на небольших лохматых лошадях с длинными гривами.

Вильгельм Рубрук, обращаясь к толмачу, спросил:

— Узнай у них, чего они хотят и где их военачальник.

Толмач выскочил из возка, замахал руками и громко стал кричать по-татарски.

Вскоре от всадников отделился воин на пегом жеребце, подъехал вплотную и заговорил с толмачом.

— Что он говорит? — с нетерпением спросил кардинал.

— Он говорит, что он нукер Бурунтай непобедимого Синхана. Что его воины вправе как

победители взять у нас все, что они захотят, а если мы будем сопротивляться, то нас лишат жизни и отдадут собакам на съедение.

Видя, что дело принимает крутой оборот, кардинал взял подорожную от Бату-хана, вылез из возка и подошел к всаднику, который значительно отличался от своих воинов. На голове у него был шлем, из-под добротной шубы видна была чешуйчатая кольчуга, на боку пристегнут кривой меч. В руках он держал короткое копьё. Завидев кардинала, он с любопытством стал разглядывать своими раскосыми жадными глазами Вильгельма, как бы оценивая его. И, видимо, одетый в простой грубой шерсти плащ с капюшоном, подпоясанным простой веревкой, служитель церкви не произвел впечатления на начальника монголо-татарских воинов. Он усмехнулся и, показывая на кардинала, спросил у толмача:

— Что он хочет сказать багатуру непобедимого великого Бату-хана?

Кардинал стал говорить, обращаясь к знатному воину и показывая подорожную от хана Батыя:

— Мы прошли долгий и трудный путь от самого моря. Мы служители католической римской церкви и пришли к вам с миром по приглашению самого Бату-хана. Мы устали от долгого пути и просим непобедимого багатура проводить нас к

великому и всемогущему владыке Бату-хану.

Воин нагнулся, взял из рук кардинала подорожную, внимательно осмотрел ее, зацокал языком, произнес:

— Кху, кху ...! — и, обернувшись к своим воинам, крикнул.

Татарские воины, которые уже полезли в возки и стали прибираться к рукам все, что им понравилось, тут же замерли, кто где находился.

— Что он им сказал? — с удивлением спросил Вильгельм у толмача.

— Внимание и повиновение, — ответил переводчик.

Знатный воин, обращаясь к кардиналу, заговорил, толмач тут же переводил:

— Хорошо, мы вас проводим к великому хану, и больше вас никто не тронет, но то, что мои воины успели взять у вас, не возвращается. Непобедимые воины не должны никому возвращать свою добычу, — повернувшись к своим воинам, что-то крикнул, те быстро вскочили на своих лошадей, напряженно ожидая, что им скажет начальник.

Только католики, окруженные татарскими воинами, двинулись в путь, как неожиданно из-за холма выскочил всадник, мчавшийся во весь опор.

Сначала никто не понял, что это за человек мчится в бешеной скачке. Завидев

путешественников, окруженных татарскими воинами, он свернул в обширную балку, поросшую деревьями и кустарниками. Через некоторое время появилась еще группа всадников. Увидев караван, сопровождаемый татарскими воинами, они остановили разгоряченных коней, восклицая:

— Ай-вах, ай-вах...! — и торопливо заговорили на своем языке. Знатный воин, выслушав их, стал кричать на преследователей, часто употребляя слово «Мишка». Те, понуро опустив головы, смиренно выслушивали его. Затем знатный воин показал им, где скрылся всадник, резко крикнул что-то по-татарски.

Плано Карпине, обратившись к переводчику, спросил:

— Что там у них случилось?

— Они говорят, что русский пленный Мишка подкараулил и удушил татарского воина. Переделся в его одежду, взял его оружие, коня и пустился в бега. Бурунтай очень недоволен тем, что сбежал хороший мастер, что только он знал секрет изготовления булатных крепких и острых мечей. Показал, куда ускакал беглец. Затем крикнул им, что если они не поймают беглеца, то все будут казнены.

— Да, — только и мог вымолвить Карпине, выслушав речь переводчика, и добавил: — Жестокие законы у варваров, поэтому немудрено,

что они берут любые города и крепости. Нашим бы рыцарям у них поучиться.

— Нашим рыцарям против этих варваров в степи не устоять. Бату-хан со своим войском почти беспрепятственно прошел всю Европу до самого моря, еще бы немного — и дошел до Рима, если бы не разругался со своими ханами из-за власти, а те, обидевшись на него, покинули войско и увели назад в степь своих воинов, — сказал Карпине.

На некоторое время путники замолчали, каждый думая о своем. Наконец, первым заговорил иезуит Вергилио:

— Трудна будет наша миссия у татар.

— Никто не говорит, что легкая, но ради Иисуса и нашей веры мы должны вытерпеть все и, если понадобится, не пожалеть даже своей жизни! — высокопарно произнес кардинал Карпине.

Рубрук на эти слова ярого служителя церкви усмехнулся и спокойно произнес:

— Не надо, братья мои, жертвовать жизнями. Надо ульстить татарских ханов, ухитриться сделать так, чтобы они поверили в нас как в своих друзей. И самое главное — научиться влиять на их политику в нашу пользу. Нам надо стать нужными ханам людьми и сделать так, чтобы они не помышляли о новом походе по Европе, где находится наша паства. А стремиться сравить татар с непокорными

княжествами Литовским, Галицким и особенно Новгородским.

Вскоре караван стал въезжать в город. Послышалась незнакомая разноязычная речь. Лай собак. Крики торговцев и менял. Жалобные стоны рабов, подгоняемых плетью надсмотрщиков.

Католики стали выглядывать из своих возков, с интересом и удивлением рассматривать жилища жителей Орды. Это были круглые, плетеные из прутьев сооружения с отверстиями наверху, из которых кое-где шел дымок. Почти все эти домики стояли на колесах с навешанными у входа пестрыми тканями. Причем домики эти имели довольно внушительные объемы.

— Неужели они свои жилища постоянно возят на колесах? — с немалым удивлением воскликнул Вергилио.

— Да, эти домики на колесах, татарам в них удобно кочевать. Эти жилища у них называются юртами. Они покрываются войлоком, пропитанным салом, чтобы скатывался снег и дождь. Войлок они пропитывают еще известью или землей, поэтому юрты у них черные или белые, — пояснил католикам толмач.

Возки, окруженные татарскими воинами, долго ехали между юртами. Вильгельм с нетерпением спросил у толмача:

— Скоро ли мы прибудем на место? И

неужели мы будем жить тоже в этих юртах?

— Орда — большое поселение, поэтому мне неизвестно, когда мы прибудем на место. Это зависит от того, куда вас определяют ханские начальники. А жить вы будете, конечно, в юрте. Там вам понравится. Эти домики теплые, внутри они обтянуты шкурами и коврами. У них каменных домов, как у вас, нет. Есть только Золотой дворец, выстроенный китайскими мастерами для Бату-хана, и то он предпочитает жить больше в юрте, чем в своем дворце. Вон взгляните на Золотой домик Бату-хана, — указал переводчик.

Все выглянули из возка и увидели в пелене низко стелющегося дыма, идущего из юрт, величественный Золотой дворец хана. Он был искусно выстроен мастерами с множеством башенок, с балкончиками и террасами.

— Просто великолепно! — воскликнул иезуит Вергилио и с удивлением добавил: — И хан предпочитает этому великолепному дворцу юрту?

— Татаро-монголы кочевники, и они с малых лет привыкли жить в юртах, постоянно передвигаясь по степи. Поэтому для них милее их жилища из войлока и шкур нет. Хан также привык жить на вольном воздухе и говорит, что в помещении он задыхается, ему кажется, что стены на него давят. Он иногда посещает свой Золотой дом на колесах, но спать ложится обязательно в

юрте. Скоро вы обо всем узнаете и многому перестанете удивляться, — пояснил толмач.

Караван возков неожиданно остановился у трех юрт, стоящих рядом.

Бурунтай позвал переводчика и долго говорил ему по-татарски, то и дело показывая на юрты и путешественников. Затем он что-то крикнул своим воинам, и около десятка монголов соскочили с лошадей и заняли места у юрт для охранения. Сам же военачальник с остальными всадниками легкой рысью отправился по своим делам.

— Что он тебе сказал? — спросил переводчика кардинал Вильгельм.

— Велел располагаться в этих юртах. Здесь мы будем жить. Как только устроимся, татарские воины разожгут нам огонь и станут стеречь наш покой, — ответил переводчик.

— Что нас охранять? — с удивлением спросил кардинал.

— Если не будут охранять, то любой воин великого хана вправе зайти в вашу юрту и взять, что ему попадет под руку. Так что к утру у вас заберут все, даже одежду снимут, если она им понравится, — пояснил переводчик Гавино.

— Почему так все происходит? Неужели у татар нет никаких законов и ограничений? — возмутился Вергилио.

— Конечно, есть, и очень строгие. За

воровство друг у друга их лишают жизни. Если человек выдает себя за посла, а не является им, его тоже лишают жизни, — ответил переводчик.

— Тогда почему же они нас могут обокрасть?

— Потому что вы еще не встречались с Бату-ханом. И встреча эта может закончиться для вас трагически, а может и хорошо. Если же он вас примет с честью, то вы будете под защитой самого хана. Тогда он может оказать вам великую милость, подарить коня или женщину в жены, даже из своего гарема.

— Женщины для нас великий грех! — возмутился Карпине.

— Грех не грех, а отказываться от подарков нельзя, иначе можете навлечь на себя большую беду. А также если будут подавать кумыс в пиале, не вздумайте отказываться. Пейте и хвалите напиток, если даже он вам покажется неприглядным и не очень приятным на запах и вкус, — с улыбкой пояснил переводчик Гавино. И добавил: — Не один знатный князь лишился жизни за несоблюдение татарских обычаев. Таких людей выносили из ханского шатра убитыми.

— Откуда ты, Гавино, знаешь все про этих варваров? — поинтересовался кардинал Иоанн.

— К татарам я попал еще с первыми братьями, которых послал папа для знакомства с татарской страной, и мне пришлось жить среди

татар два года. Мне легко давался их язык, и через несколько месяцев я свободно мог изъясняться с местным населением.

Пока переводчик рассказывал прибывшим католикам, как надо вести себя с ордынцами, простые монахи перенесли все имущество с возков в юрты.

В это время татарские воины откуда-то принесли дрова и разожгли костры прямо в юртах. Дым потянулся в верхние отверстия круглых домиков.

Вильгельм Рубрук, откинув полу одной из юрт, вошел в свое новое жилище. В помещении было уже довольно тепло, правда, пахло чем-то кислым. По бокам юрт лежала постель — шкуры животных и пуховые одеяла. На костре уже стоял котел с нарезанными кусками свежей баранины. Путешественники стали располагаться, от усталости ноги гудели, и тянуло ко сну.

Вильгельм велел всем устраиваться, кому где нравится. А вскоре в котле закипело мясо, и через некоторое время татары выложили его на большое блюдо и пригласили католиков откусать. Уставшие путники, насытившись мясом, стали укладываться спать.

Вильгельм, уже залезая под несколько шкур и одеял, сказал:

— Давайте, братья, будем отдыхать. Завтра

мы должны быть бодрыми и полными сил. Еще неизвестно, какие сюрпризы готовит нам эта варварская страна и эти странные, не похожие на нас люди.

4

Михаил, завидев караван возков в сопровождении татарских воинов, на всем скаку свернул в обширную балку, поросшую кустарниками и деревьями. В ней было легко уйти от преследователей, скрыться в густых зарослях и где-нибудь затаиться. Но беглец не стал прятаться, он спешил как можно дальше уйти от погони. Тем более он знал, что татарские воины будут его догонять до тех пор, пока не изловят. Им без него возвращаться было нельзя, за невыполнение приказа военачальника их ждала незавидная участь — смерть. Беглец понимал: чем он дальше уйдет от преследователей, тем больше шансов у него. По открытой степи ему нельзя было продолжать свой путь, там он был как на ладони. Его могли перехватить не только преследователи, но и рыскающие по степи отряды монгольских воинов. Нужно было ждать темноты, чтобы продолжить путь дальше. Наконец, отыскав укромное место в густой чаще, в глубоком овраге, Михаил решил перевести дух, дать отдохнуть себе и, самое

главное, — лошади. Ведь она была его последней надеждой, и ее надо было беречь больше, чем себя.

Михаил Романович привязал коня к толстой иве, отвязал притороченный полосатый мешок. Положив его у пенька, наломал побольше веток и надергал сухой травы, которую бросил пегой низкорослой монгольской лошадке. Погладил ее по длинной гриве со словами:

— Давай, родная, набирайся сил. Вся надежда на тебя. В степи в это время года человек без лошади — покойник.

Беглец набросал на пенек и рядом с ним побольше веток, а сверху травы. Присел. Затем стал рыться в мешке, ища чего-нибудь съестного. И действительно, на свою удачу, среди всякого барахла нашел большой кусок вяленого мяса и бурдюк, в котором что-то булькало. Сбежавший кузнец открыл сосуд, попробовал на вкус, думая, что там кумыс, но, к своему удивлению, обнаружил, что это вино, на что с восторгом проговорил вслух:

— Видно, хорошо татарин поживал, коли вино в бурдюке возил! Мне это все сгодится.

Михаил с жадностью стал есть вяленое мясо, запивая вином. Работая в кузнице хана Батыя, он жил впроголодь. Надсмотрщики не очень-то заботились о пропитании рабов. Обычно вечером приносили обглоданные кости, оставшиеся после еды хана, его приближенных, жен, слуг и

охранников. Горячую воду ремесленники кипятили тут же в котле, бросая туда травы. Правда, летом татары давали много кумыса, который хорошо поддерживал силы рабов.

Пленник уже давно искал подходящий момент, чтобы сбежать из татарской неволи, хотя знал, что всех, кто сбежал, татары возвращали назад и привозили на аркане уже мертвыми, чтобы другим неповадно было. И все-таки сегодня он решился бежать, так как представился случай.

А вышло так: в кузницу заехал татарский воин, он слез с коня, вытащил кривой меч и попросил пленника подточить его. Михаил взялся точить лезвие оружия. Татарин присел на чурку и задремал.

Кузнец приоткрыл дверь, огляделся вокруг. Рядом с кузницей не было никого. И он решился. Резко ударил плашмя мечом татарина по голове. Безжизненное тело воина распласталось на земляном полу. Дальше кузнец действовал быстро. Он снял с воина его одежду, переделся, натянул на самые глаза меховую татарскую шапку, вскочил на коня и помчался в степь. Уже когда беглец считал, что опасность миновала, он неожиданно нарвался на конных воинов, которые, видимо, были из одного десятка убитого татарина. Они окликнули его:

— Мусук, Мусук....!

Беглец, не останавливая коня, продолжал мчаться дальше.

Татарские воины, заподозрив неладное, помчались за ним. Их было трое. Самое главное для него было — держаться на расстоянии от них, чтобы они не набросили на него волосяной аркан, которым большинство татарских воинов владели в совершенстве. И это ему, кажется, удалось.

Теперь он ожидал темноты, с наступлением ночи татары перестанут его искать. Вдруг затрещали кусты и недалеко, в двадцати шагах, он увидел своих преследователей. Михаил взял лук со стрелами. Его он заранее, на всякий случай, положил около себя. Вложил стрелу, натянул тетиву и метко выстрелил в ехавшего первым воина. Попал прямо в голову. Монгол опрокинулся и сполз на землю. Вторая стрела сразила татарского воина в грудь. Третий же преследователь, выхватив кривой меч, помчался на сбежавшего пленника. Он, взяв копье, резко кинул в нападающего. Удар смертельного оружия был так силен, что пробил железную кольчугу всадника и глубоко вошел в тело. Тот упал в густые заросли кустарника, запутавшись ногой в поводьях своей лошади.

Сбежавший кузнец был опытным воином. Еще при первом нашествии татаро-монголов он, находясь в рязанской кня — жесткой дружине, мужественно защищал город, затем сражался

вместе с Евпатием Коловратом. А когда их дружина была разбита, то восхищенный мужеством русских воинов хан Батый даровал им жизнь и отпустил на волю. Потом он попал в великий град Киев, где защищал до последнего вздоха город в дружине Данилы. И уже раненый попал в плен к татарам.

Беглец поймал лошадей погибших татарских воинов, к седлам которых приторочил в кожаных мешках съестные припасы. Снял с монголов шубы, шапки, забрал оружие. Лошадей привязал арканами к седлам друг за другом, так как знал, что, меняя лошадей, он может уйти от любой погони.

Сегодня для бывшего пленника все складывалось как нельзя лучше. Он запасся едой, питьем, оружием и полными колчанами стрел, что давало ему возможность отстреливаться не от одного десятка воинов. Уложив свои трофеи, Михаил посмотрел на погибших монгольских воинов, произнес:

— Вы уж простите меня, сердешные. Ничего не подделаешь, так пришлось. Или бы вы меня погубили, или я вас.

Он взглянул на быстро темнеющее небо, на котором уже высыпали бесчисленные звезды. Вскочил на коня, сказал вслух, обращаясь к лошадям:

— Ну, милые, пора нам выбираться из этого оврага. Путь у нас длинный, нелегкий, на Русь, —

хлестнул легонечко плеткой своего коня и стал не торопясь выбираться из густых зарослей.

Между тем на степь быстро опускались сумерки, погружая в сон все вокруг. Погода установилась безветренная, и начал крепчать морозец.

Беглец сильно хлестнул плетью своего жеребца, и он крупной рысью помчался по степи, увлекая за собой остальных лошадей.

Вскоре наступила ночь. Яркие звезды сверкали на безоблачном небе. А на горизонте всходила полная луна. Несмотря на то что фиолетовая синь наступающей ночи все сильнее и сильнее сгущалась, поглощая все пространство, делая холмы, деревья, кусты причудливыми темными силуэтами, от света всходящей луны снег искрился, и было все видно вокруг, что помогало всаднику хорошо ориентироваться на бесконечной равнине. Снег был неглубокий, и выносливые монгольские лошадки, привыкшие к таким условиям, ходко двигались по равнине.

Михаил Романович, проведя в плену долгое время, научился прекрасно ориентироваться в степи. Поэтому он держал путь на север, определяя направление по звездам. Самое главное, к рассвету ему надо было добраться до леса или глубокого оврага. А самый лучший вариант для него был — разрушенное татарами поселение или половецкое

стойбище, которые кочевали в этих местах и были враждебно настроены против татар за то, что они их нещадно облагали поборами, а подчас просто грабили. Находясь в плену, Михаил хорошо освоил татарский язык и свободно мог на нем изъясняться, так что иногда сами татары принимали его за своего.

Время шло, а всадник, не снижая скорости, все мчался и мчался в ночную степь. Вот уже и лошади стали заметно уставать после длительного пути. Их рысь замедлилась, и вскоре они пошли шагом.

Сколько путник ни напрягал зрение, но бескрайняя степь была пустынна. Нужно было искать безопасное место для отдыха. Днем, на первый взгляд безлюдна, степь была далеко не безопасна. Могли напасть кочевники или татарские воины, жаждущие наживы.

Наступал рассвет, а сбжавший кузнец по-прежнему не находил подходящего места для отдыха. Ему хотелось как можно скорее выйти за черту татарских владений и добраться до территории русских княжеств. Хотя многие деревни, поселки и города там были разорены, но это была уже русская земля. Но чтобы добраться туда, нужно преодолеть большое расстояние.

Не находя ничего подходящего, где можно остановиться на привал, беглец стал нервничать. По

его расчетам должны были появиться первые перелески, пересеченные глубокими оврагами, но их по-прежнему не было видно, и путник вслух воскликнул:

— Да неужели я заплутал! Неужто сатана закружил мне голову!

Он знал, что в степи люди часто блудят, кружа на одном месте, потеряв ориентир, и даже гибнут. Где-то недалеко завывали волки. Беглец, посмотрев в сторону, откуда слышался тоскливый протяжный вой хищников, увидел на холме стаю волков, которые, видимо, уже давно его преследовали. У Михаила при виде большой стаи пресле — дователей мороз пробежал по спине. Он знал, что от хищников в степи беззащитен и ему наверняка не миновать беды. Беглец стал хлестать свою уставшую лошадку, чтобы попытаться уйти от новой опасности.

Зорко вглядываясь в степь, Михаил Романович вдруг заметил на горизонте черные точки. Он стал подгонять плетью коня, пытаясь ускорить рысь лошадей. И вот уже беглец стал различать вдали шатры, окруженные повозками и санями. Там горели костры, от которых поднимался дым. Бывшему пленнику даже показалось, что он почувствовал запах вареного мяса.

Подъезжая к шатрам, Михаил вслух рассуждал так:

— Коли это не юрты, а шатры, значит это русские или кто-то другой, но не татары и не половцы.

Приближающегося путника в стане заметили, и несколько всадников помчались навстречу неожиданному гостю.

Михаил остановил лошадей и стал поджидать встречающих. Вскоре верховые поравнялись с беглецом, и он в хорошо вооруженных воинах узнал русских людей. Сбежавший кузнец, не ожидая увидеть русских воинов, даже прослезился и с удивлением воскликнул:

— Откуда ж вы, родные?!

— Гляньте, ребята, а татарин-то по-русски говорит, — с удивлением заметил кто-то из воинов.

— Да я не татарин! Я русский! Я из татарской неволи бежал! — выкрикнул Михаил.

— Что-то я ни разу не видел, чтобы на трех конях в полном татарском вооружении невольники бежали, — засомневался один из воинов и добавил: — Что-то тут не так.

— Это я убил татарских воинов. Облачился в их одежду, взял у них оружие и пустился в бега, — стал горячо убеждать путник.

— Звать-то тебя как, русская душа? — спросил все тот же воин, видно старший.

— Михаилом.

— И правда, ребята, видно русский мужик-то,

надобно его вести к великому князю Ярославу Всеволодовичу.

Михаил много слышал о бесстрашном владимирском князе и с изумлением воскликнул:

— Неужели сам великий князь здесь?

— Здесь, здесь. И, наверно, захочет с тобой поговорить, — ответил дружинник.

— Так давай поспешим к нему! — воскликнул с радостью Михаил.

— Следуй за нами, — потребовал дружинник, прищпорив своего коня.

Все двинулись к шатрам. Вскоре въехали на территорию, отгороженную санями и возками, где расположились шатры Ярослава.

Всадники соскочили со своих коней. Старший дружинник вошел в самый большой шатер.

Путник с трудом слез со своего коня, стал разминать ноги. Длительная езда в седле давала о себе знать, но уже через некоторое время он привел себя в порядок. Стал с интересом рассматривать стоящие стройными рядами шатры. Множество груженных и крытых возков. Дружинники хлопотали у костров, весело переговариваясь. Топили в котлах снег, для того чтобы напоить лошадей и сварить пищу.

Наконец из шатра вышел старший дружинник, улыбаясь, сказал:

— Заходи, великий князь Ярослав

Всеволодович ждет тебя. Он хочет с тобой поговорить.

Приглашенный, откинув полу шатра, оказался перед небольшой дверцей, толкнул ее и вошел внутрь. Его сразу же обдало теплом и запахом восковых свечей, которые горели на небольшом столике. Сам же князь сидел в плетеном из прутьев креслице, закутавшись в бобровую шубу. На столике стояло большое блюдо с мясом и кувшин с вином.

Князь с интересом стал разглядывать гостя. Его темно-карие глаза искрились живым огоньком. Был он крепкого телосложения. Длинные черные волнистые волосы спадали на плечи, борода и усы с проседью аккуратно подстрижены. Он пристально взглянул на вошедшего, и, видимо, он ему понравился, улыбнулся и, указав на широкую скамейку, стоящую рядом, пригласил:

— Садись, мил-человек. И рассказывай, откуда ты, кто и как сюда попал.

Михаил, взглянув на стол князя и ощутив запах мяса, проглотил голодную слюну. Ему захотелось есть так, что закружилась голова.

Все это не прошло незамеченным от внимательного взгляда Ярослава. Он подвинул блюдо с едой к гостю. Сам налил Михаилу и себе кубки с вином, сказал:

— Давай, добрый молодец, выпьем вина. Ешь,

не стесняйся, а потом и поговорим обо всем.

Гость выпил кубок с вином, вытер рукавом усы и с жадностью накинулся на еду. Крепкое вино теплом побежало по всему телу, стало легко и хорошо.

Князь снова наполнил кубки с вином, немного пригубив, спросил:

— Ну что, полегчало?

Михаил улыбнулся, с наслаждением выпил еще вина и уже медленно стал есть.

— Рассказывай, добрый молодец, откуда ты и куда держишь путь?

— Слишком много надо рассказывать, Ярослав Всеволодович. Хватит ли у тебя терпения выслушать рассказ о моей судьбе?

— Хватит, торопиться нам некуда, еще успеем к татарам.

— Ну, коли так, тогда, великий князь, слушай. Зовут меня Михаилом, Романов сын. Родился и вырос я в Рязани. Отец мой, а затем я и мои братья верой и правдой служили в дружине рязанских князей. Жили мы не тужили, занимались ратным делом, сопровождали князя в его походах и на охоте. Все было хорошо. Зимой, в декабре, прискакал на княжеский двор человек и сообщил, что к реке Оке подошли и расположились на берегу несметные полчища татаро-монголов.

Ударили в набат колокола на всех церквях,

призывая народ к защите города. Тогда на стены встали и стар и млад, женщины и мужчины. Непрошенные враги обложили город со всех сторон и в течение пяти дней вели обстрел камнями и огненными шарами из своих орудий. На шестой день, 21 декабря 1237 года, татары пошли на штурм города. Их было такое множество, что мы не успевали их сталкивать со стен города и обливаться горячей смолой. Как мы ни сопротивлялись, но не смогли отбиться от такого множества врагов. В конце концов Рязань пала. Почти все защитники были перебиты. Князь Юрий и его жена погибли. Женщины и девицы у всех на виду были поруганы, после этого татары завязывали им их юбки на голове, вспарывали своими кривыми ножами животы. Людей секли мечами и расстреливали стрелами. Рязань была сожжена и полностью уничтожена.

Я же, оглушенный по голове, потерял сознание, долго лежал без памяти. Видно, татары подумали, что я мертв, и не тронули. Очнулся я ночью и сразу же увидел над собой лицо молодой девушки. Она произнесла:

— Очнулся, родненький! Я уж думала, что ты мертв!

Я кое-как с ее помощью сел. Голова кружилась, перед глазами все плыло, в затылке ломило, как будто кол забили. Я спросил:

— Где я? Где татары?

— Татары сожгли и разрушили город, почти всех перебили, над женщинами и девушками надругались. Мастеров и здоровых мужчин забрали в плен и двинулись вдоль реки Оки к Коломне.

— Как же тебя звать, милая? — спросил я.

— Анастасия, — ответила она и стала помогать мне встать на ноги. Мы кое-как дошли с ней до маленькой избушки, где она жила. Моя спасительница постелила на широкую лавку волчий тулуп, уложила меня на нее со словами:

— Отдыхай, воин, приходи в себя, а я что-нибудь найду тебе поесть, — и стала хлопотать у печи. Вскоре она поднесла мне в оловянной кружке мясной бульон и заставила выпить, а затем скормила мне кусок телятины с краюхой хлеба. После сытной еды я почувствовал себя лучше. Стал разглядывать свою спасительницу. Это была статная красавица с большими синими глазами, с пышными золотистыми волосами и здоровым румянцем на бархатной белой коже, полными губами, высокой грудью. Мне она не на шутку понравилась. Я сразу влюбился, хотя до этого был совершенно безразличен к женщинам. Вдруг захотелось, чтобы она подошла ко мне, и я попросил:

— Анастасия, подойди, сядь рядом на лавку и расскажи, как ты спаслась от татар.

И она стала рассказывать:

— Жили мы в этой избушке с братом Данилой. Он был мастеровой, хорошо мял кожи, а потом из них шили обувь. Родители умерли, когда была еще девочкой. С тех пор брат был для меня за мать и отца. Когда к Рязани подступили враги, брат ушел биться на стены. А когда в город ворвались татары, я спряталась в подполье. Оно у нас глубокое и сухое. Я там просидела до тех пор, пока не ушли татары. Выбравшись из подполья, я пошла по городу искать своего брата Данилу. Но нигде его не нашла ни живым, ни мертвым. Может, в плен его враги забрали, а может, и погиб, но тела его так и не отыскала.

Девушка зарыдала, закрыв лицо руками, причитая:

— Как же я теперь, сиротинушка, жить буду без своего братца?

Я стал гладить ее по голове, успокаивая:

— Не горюй, Анастасиюшка, если он жив, то мы найдем твоего братца, если в плен попал, то наверняка сбежит от татар и явится к тебе здоровый и живехонький, а пока я буду твоим названным братом. Буду защищать тебя и не дам никому в обиду...

Князь внимательно слушал исповедь гостя, не перебивая его и не задавая никаких вопросов.

Тут дверца в шатер отворилась, и к князю

подошел дружинник, наклонился к уху Ярослава и что-то зашептал. Князь встал и, обращаясь к гостю, сказал:

— У меня появились неотложные дела, я уйду на некоторое время. А ты пока, Михаил Романович, отдохни после долгого пути, — и сбросил с плеч свою шубу на широкую лавку со словами: — Ложись, поспи, а когда отдохнешь, я уже вернусь, и мы продолжим наш разговор. Мне еще многое у тебя нужно узнать, коли ты провел долгие годы в полоне у татар.

Михаил прилег на лавку, укрылся шубой и сразу же провалился в глубокий сон.

5

Над степью начиналось утро. Все небо было затянуто серой пеленой. На востоке стало светлеть, затем постепенно появилась розовая полоска, которая все разрасталась и разрасталась, и вот уже почти полнеба охватил розовый цвет, он все усиливался и усиливался.

А на горизонте стал появляться край красного диска солнца. Оно всходило постепенно, не спеша. Все небо полыхало, как будто где-то на краю земли был огромный пожар. Оранжевый цвет окрасил все вокруг: лежащий на бескрайней равнине снег, холмы, юрты. Красный цвет пробежал по

золоченым башенкам и балконам ханского дворца на колесах.

Заревели верблюды, протяжно закричали ишаки, замычали коровы, заблеяли козы. Начинался новый день в Орде. Женщины шли доить коров и коз. Из отверстий круглых юрт высоко поднимался дым. Он как будто множеством рук тянулся в небо, пытаясь охватить его, чтобы узнать, что там, в бездонном пространстве, и есть ли там то, чего нет на земле.

Вильгельм Рубрук проснулся раньше всех. Из-под меховых одеял не хотелось вылезать. Он закрыл глаза, полежал еще некоторое время, обдумывая, что им предстоит сегодня сделать. Неожиданно спокойствие после сна переросло в тревогу, она как ножом полоснула по сердцу от одной мысли, что они находятся за многие, многие сотни верст от родного Рима, в совершенно незнакомом краю с агрессивной природой и такими же дикими людьми. Кардинал медленно встал, подошел к огню, который уже угасал и горел еле-еле. Он подложил сухих дров, сучьев. Пламя быстро охватило сухие дрова, и огонь стал разгораться все ярче, ярче. Вот уже он осветил желтоватым цветом полумрак юрты, дым струей потянуло в отверстие наверху войлочного дома.

Рубрук присел на лавку, которую они привезли с собой, задумался, задавая себе одни и те

же вопросы: «Что их ждет сегодня, завтра и в дальнейшем? Как примет их хан Бату?».

Вильгельм прекрасно понимал, что от татар можно ждать все что угодно. Главное было не ошибиться в соблюдении их ритуалов, а также в дальнейших переговорах. Придется терпеть все, возможно, унижение и непонимание, но ради святой веры в Иисуса, ради будущего, возможно, всей Европы и католической церкви, нужно было быть готовым ко всему.

Задумавшись, кардинал не заметил, как встал переводчик Гавино, и когда тот сел рядом, от неожиданности даже вздрогнул.

Гавино улыбнулся и подбодрил кардинала, стараясь не задеть его самолюбие:

— Не волнуйся, ваше преосвященство. Все будет хорошо. Это сначала все здесь кажется диким и странным. Скоро ко всему привыкнешь и освоишься. Татары — народ доверчивый, любят подарки и уважение их обычаев. Сегодня самое главное узнать, когда нас примет хан Бату. Пойду, распоряжусь, чтобы воины, которые приставлены к нам, начали готовить еду. А то еще сами половину сожрут, тут зевать нельзя. Надо встретиться с их старшим воином — десятником, а он сообщит, что нам нужно делать после нашей трапезы.

Вскоре стали просыпаться остальные католики. Они подсаживались к огню, кутаясь в

меховые шубы.

Татарские воины внесли котел, бросили в него куски мяса, подбросили дров в очаг, заговорили на своем языке с переводчиком, который вошел в юрту.

После того как татары вышли из юрты, Иоанн спросил у Гавино:

— Что они тебе сказали?

— Ничего особенного, — улыбаясь, ответил переводчик и добавил: — Велели самим варить мясо как нам нравится, сейчас принесут вино и рисовые лепешки.

И действительно, тут же вошел другой татарин, внес еду, разостлал на войлочном полу яркую цветастую ткань, положил на нее лепешки и поставил кувшин.

Приложив руку к сердцу, сказал что-то переводчику и вышел из юрты.

— Этот человек с востока, сарацин с самого Багдада, мусульманин. Их тут много, хотят склонить татар к своей вере. Этот, видимо, в рабстве или в услужении у них. Мусульман здесь много, это тоже наши соперники. Они оказывают большое влияние на ханов. Вы еще с ними встретитесь. Это очень хитрые и коварные люди. Да и вообще здесь всякого разного люда полно, особенно сарацин и русских. Поэтому нужно быть очень осторожными и не говорить ничего лишнего.

Все ваши слова и деяния будут докладываться хану.

— Надо нам держаться пока всем вместе. А то неровен час... — сказал Вергилио.

— Вам всем необходимо учиться говорить по-ихнему, иначе у вас будут большие трудности, — посоветовал Гавино.

— Будем стараться овладеть их варварским языком. Ты будешь, Гавино, каждый день учить нас их языку, — сказал кардинал Вильгельм.

В юрту снова вошел восточный человек. Стал ловко вытаскивать из котла мясо и резать его кривым ножом на мелкие куски. Затем поставил блюда на покрывало, разложил горками теплые лепешки, поставил кувшин с вином. Снова приложил руку к сердцу и что-то сказал, обращаясь к переводчику.

Католики, приглядевшись к сарацину, заметили, что он сильно отличается от татарских воинов. Хотя он и был смугл, но черты его лица были правильны, глаза не узкие, как у их охранников.

Толмач кивнул головой и тоже приложил руку к сердцу.

Восточный человек вышел из юрты, а Гавино, обращаясь к католикам, сказал:

— Этого человека зовут Азат, он приставлен к нам слугой, будет нас везде сопровождать. Он сказал, что скоро придет сотник и сообщит, когда

состоится встреча с Бату-ханом. Он говорит, что великий хан сегодня в хорошем настроении и хотел бы с нами встретиться.

От неожиданности иезуиты и кардиналы молчали. Они даже и не предполагали, что прямо сегодня увидят грозного владыку монголо-татар.

— Откуда он все знает? — с удивлением спросил Вергилио.

— Он все знает, и, наверно, к нам приставлен неспроста, чтобы знать, что мы будем делать и зачем приехали сюда. Я уже вам говорил, что мусульмане имеют большое влияние на ханов, и они с ними советуются и доверяют.

В это время в юрту вошел Бурунтай. На его плоском лице с небольшим носом, без усов и бороды, блуждала полуулыбка. Черные узкие глаза с любопытством рассматривали католиков, их выбритые на затылке головы, грубые плащи с капюшонами, подпоясанные веревками. Вскоре на лице у сотника появилось разочарование, он понял, что от этих бедных монахов едва ли дождешься подарков, и заговорил с толмачом:

— Сегодня великий хан Бату примет вас у себя в юрте. Когда он вас пригласит, я вам об этом сообщу. Бурунтай потоптался на месте и, видя, что подачек не будет, сердито глянул на католиков и вышел из юрты.

Вильгельм де Рубрук понял, что хотел

татарин, сказал, обращаясь к Гавино:

— Надо было ему чего-нибудь дать.

— Еще устанете давать, — с усмешкой ответил переводчик.

Кардинал де Рубрук, обращаясь к иезуиту Иоанну, сказал:

— Приготовьте подарки Бату-хану.

Иоанн де Поликарпо попросил монахов принести сундук с подношениями.

Иезуиты вчетвером вытащили кованый сундук, поставили его посередине юрты. Иоанн снял ключ, который висел у него на шее, открыл замок. Раздался мелодичный звон, и крышка сундука медленно открылась. Все с интересом посмотрели на то, что в нем было. А посмотреть было на что. Это была золотая посуда, украшения из алмазов и драгоценных камней.

Кардинал Вильгельм де Рубрук тут же распорядился закрыть сундук со словами:

— Закройте побыстрее крышку, а то, не дай Бог, войдут воины и заберут драгоценности.

— Теперь не заберут. За грабеж подарков для хана, даже если кто осмелится к ним притронуться, ждет мучительная смерть, — успокоил толмач.

— Принесите меч, — потребовал кардинал Рубрук.

Монахи внесли футляр из красного дерева, отделанный слоновой костью и золотом, и

положили на сундук.

Плано Карпине открыл футляр, и все увидели меч из дамасской стали. Его холодный блеск возбуждал, а украшенная золотом и алмазами рукоять привораживала своей красотой.

В юрту вошел Азат и сказал, обращаясь к переводчику:

— Сейчас я вас отведу ко двору великого Бату. Там лишнего ничего не говорите, пока не прикажет Бату, а если что спросит, говорите кратко, без лишних слов. Когда подойдете к шатру и войдете в него, ни к чему не прикасайтесь.

Сделав внушение, проводник вышел из юрты и пригласил остальных католиков двинуться за ним.

Монахи подхватили сундук, футляр с мечом для великого хана, и вся процессия двинулась к юрте Бату.

По дороге Азат продолжал наставлять монахов:

— У шатра хана будут гореть костры, вы должны пройти между ними. В шатер вы должны войти с непокрытыми головами и пасть перед ханом на колени.

Наконец, католики дошли до ханского шатра, вошли в него, старались вести себя, как учил Азат. Встали перед татарским ханом на колени, ожидая, пока он милостиво не прикажет встать.

В шатре наступила гнетущая тишина.

Бату-хан сидел в полном безмолвии. Желтое узкоглазое лицо татарского хана было непроницаемо. Казалось, он даже не заметил вошедших и сидел глубоко задумавшись.

Бату-хан небольшого роста, с узкими, как щелочки, глазами, с выбритой на макушке головой до висков, сидел на четырехугольном позолоченном, широком, как стол, троне, с несколькими ступенями. Рядом сидела его самая любимая молодая жена, в меховой шапке, с павлиньими перьями на голове, украшенными драгоценными камнями. Она, как кукла, была укутана в дорогую золоченую ткань. Лицо ее было миниатюрное, с маленьким носом и необыкновенно живыми и искристыми глазами, которые с удивлением и интересом смотрели на монахов.

По правую сторону находились мужчины, приближенные великого хана, братья, сыновья и близкие родственники. По левую сторону сидели нарядные женщины, жены татарского хана.

У входа на широкой скамье стоял объемистый бурдюк с кумысом и золотыми и серебряными чашами.

Хан Батый, отвлекшись от своих мыслей, стал внимательно разглядывать католиков, затем приказал встать и говорить.

Вильгельм де Рубрук начал свою речь:

— Великий и всемогущий хан Батый, мы

посланники папы римского Иннокентия четвертого. Прибыли к тебе с великой миссией от имени Бога нашего Иисуса Христа и всей нашей католической церкви ради мира и дружбы. Ибо мир между нами даст нам все земные блага, которые дарует нам Господь. И призываем тебя, всемогущий и великий хан, уверовать в христианство, ибо сказал Бог: «Кто уверует и крестится, тому Господь даст блага земные и вечное блаженство в раю».

Наступила тишина. Никто в это время не знал, как поведет себя хан после такого смелого предложения. Или он разгневается на послов и велит их прогнать, или милостиво отпустит.

Наконец хан улыбнулся, сказав:

— Я дошел до последнего моря и немного не дошел до Рима. Говорят, это красивый и богатый город. Оставайтесь у нас, и мы обсудим ваше предложение.

Напряжение, которое испытали католики, спало, Вильгельм незаметно смахнул выступивший на лбу пот.

Затем Бату расспросил всех католиков, кого как зовут, и велел писарю все записать.

Встреча близилась к концу, и хан уже хотел дать знак, чтобы послы удалились, но кардинал Рубрук преклонил колени и обратился к хану:

— Великий и всемогущий хан, прими от нашей церкви скромные дары.

Хан слегка кивнул головой, давая согласие.

Монахи внесли сундук, поставили его перед тронном повелителя, а сверху положили меч в дорогом футляре.

Кардинал Вильгельм де Рубрук открыл футляр, достал меч, который, как молния, сверкнул холодной сталью, торжественно произнес:

— Великий и всемогущий хан, мы, посланники папы Иннокентия четвертого, преподносим тебе этот меч дамасской стали, как победителю и великому полководцу.

Рубрук подошел к трону и с поклоном положил меч.

Батый встал, быстро подошел к футляру, взял сильной рукой изумительной красоты меч. Его взгляд впился в необыкновенное оружие. Лицо стало суровым. Прирожденный воин, он даже преобразился, держа в руке клинок, зацокал языком, произнес:

— Кху! Кху! Кху!

Затем спустился по ступенькам, подошел к сундуку. В шатре стояла полная тишина.

Вергилио ключом открыл сундук. Крышка с мелодичным звоном поднялась, и взору татарского хана предстали сокровища, сверкая золотом и бриллиантами.

Батый, сделав непроницаемое лицо, вернулся на свой трон, сел и сказал:

— Ваши подарки порадовали мою душу, особенно меч из дамасской стали. Он будет символом моих новых побед над врагами. За эти подарки я тебя, кардинал, тоже отблагодарю достойно. Я дарю тебе одну из своих лучших жен — Айгуль, лунный цветок, — и указал на одну из женщин, сидевших по левую сторону от трона.

Кардинал Вильгельм от удивления и гнева не мог произнести ни слова.

Толмач, стоящий рядом, зашептал на ухо Вильгельму:

— Ваше преосвященство, не вздумай отказываться, иначе хан разгневается, кланяйся и благодари. Потом разберемся.

Кардинал, не говоря ни слова, низко поклонился хану.

Батый сделал знак, чтобы все удалились, показывая, что прием послов закончен.

6

Когда Михаил проснулся, в шатре никого не было. Он полежал некоторое время, рассуждая про себя:

— Интересно, сколько времени я проспал? Наверно, долго после такого трудного путешествия по степи. Интересно, где же князь? Почему такая тишина?

Михаил откинул с себя княжескую шубу, встал, подошел к выходу и хотел уже выглянуть из шатра. Но тут услышал сзади себя тяжелые шаги, обернулся и увидел великого князя. Он вышел из второй половины шатра, держа в руке толстую восковую свечу. Ярослав поставил подсвечник со свечой на стол. Жестом пригласил своего гостя, указывая на лавку, со словами:

— Долго же ты, Михаил Романович, проспал. Настоящим богатырским сном заснул. Я и будить не стал, думаю, пусть выспится, а потом уж и поговорим.

Князь встал, откинув полу шатра второй половины, крикнул:

— Ефим! Подавай побыстрее нам с гостем откусать да неси терпкого вина.

Вскоре пришел слуга и внес на большом блюде мясо, каравай хлеба. Все это он поставил на стол, затем сходил еще раз в отгороженную половину шатра и внес чарки и объемистый кувшин с вином.

— Ешь пока горяченькое, — указывая на еду, предложил хозяин, наполняя чарки вином.

Только сейчас Михаил почувствовал, как он сильно проголодался, и стал с удовольствием есть зажаренное мясо, запивая его вином.

Ярослав с расспросами не спешил, медленно ел, пристально поглядывая на своего гостя.

Наконец, увидев, что Михаил уже утолил свой голод, попросил:

— Что ж, Михаил, рассказывай дальше про свою жизнь. Она меня очень заинтересовала. И поподробней расскажешь и о том, как ты жил в татарском полоне. А сейчас все-таки расскажи, как ты попал к татарам в Орду.

Михаил, закончив свою трапезу, поудобней уселся на лавке, укутался в волчий тулуп, который предложил великий князь, и начал свой печальный рассказ:

— Прожили мы в избушке с Анастасиюшкой несколько дней, и все это время я думал о своей судьбинушке. Что мне делать? Куда податься? Да еще и девушка была со мной. И за нее я был в ответе. Остаться она в городе не хотела одна, желала пуститься в путь со мной.

Постепенно в город возвращались разбежавшиеся по лесам дружинники и защитники города. Люди стали строить землянки, приводить в порядок уцелевшее жилье.

Тут вернулся в Рязань из Чернигова боярин Евпатий Коловрат. Его посылал за подмогой в Чернигов князь Юрий. Но черниговцы не пожелали помочь нам, и Евпатий набрал людей по дороге, всех тех, кто захотел сразиться за землю Русскую. Вернувшись в свой родной город, боярин, увидев такое разорение, прослезился и воскликнул:

— Ну, поганый хан, ты у меня расплатишься за все! За погибель рязанцев! За разорение моего города!

Он тут же собрал на площади всех уцелевших защитников города. Бросил клич всем оставшимся в живых дружинникам и всем тем, кто желает отмстить татарам, вступать в его дружину, чтобы расплатиться за все с врагами. И уже через несколько дней Евпатий Коловрат собрал около себя почти две тысячи воинов. Все вооружились как положено, так как сделать это было просто. Оружие валялось везде. Погибших защитников города предали земле, а оружие собрали и сложили в уцелевший амбар и выдавали всем, кто хотел сразиться с погаными. Я, конечно, один из первых пришел в отряд Коловрата. И вот настал час, когда наша дружина двинулась вслед за татарами. Анастасиюшку я оставил в избушке, крепко обещая ей вернуться.

Наша дружина настигла татар уже в Суздальской земле и остановилась в лесу. Напасть на ничего не подозревающих татар мы решили утром. И вот как только забрезжил рассвет, мы ринулись на своих врагов. Не ожидавшие нападения татары растерялись, не зная, что делать. Пока они опомнились, наш отряд без пощады уничтожал своих врагов. Воины дружины сражались, не щадя своей жизни. Евпатий Коловрат

был не просто хороший воин, а настоящий богатырь. Он косил своим мечом ненавистных врагов, как траву в поле. Татары, видя такого разъяренного воина, в ужасе разбежались в разные стороны. Не один меч сломал боярин в жестокой сече.

Полки Батыя в смятении стали разбегаться, не понимая, откуда на них свалилась такая сила. Им в страхе показалось, что загубленные ими люди восстали. И татары в ужасе побежали с поля боя. В тот день мы одержали великую победу над несметными полчищами поганых.

Мы почти каждый день нападали на своих врагов, наводя на них страх. Тогда Батый послал против нас хана Хостоврула с самыми сильными полками. Встретились мы с ними в поле. Хан выехал вперед своего войска и стал хвастать, что он сразит любого, кто с ним осмелится вступить в бой. Недолго похвалялся татарский хан. Выехал вперед наших полков Евпатий Коловрат. Вынул меч и помчался на хана, чтобы встретиться с ним в единоборстве. Сшиблись воины в смертельном бою. Разрубил Хостоврула наш храбрый витязь от шеи до седла, и началась великая сеча. Каждый наш воин бился с десятерыми врагами, и дрогнули тогда татарские воины и побежали.

Но хан Батый снова на нас повел несметные полчища. Бились мы тогда до последнего вздоха, не

жаляя живота своего. Но на каждого дружинника нападало несметное число татар. Стали наши ряды редеть. Вот уже пал в бою наш бесстрашный воин Евпатий Коловрат. Нас уже осталось совсем мало. Накинулись на нас татары, повязали своими арканами и повели к их главному хану Бату. Положили мертвого Евпатия у ног хана, а нас поставили перед ним. Хан созвал всех своих военачальников и сказал:

— Если бы мои воины были, как эти русские, я бы завоевал весь мир. Они сражались как львы, не боясь, что нас много, — и показывая на Евпатия Коловрата, продолжил: — Если бы у меня был такой воин, я держал бы его у самого сердца.

Пораженный и восхищенный нашей храбростью Батый повелел отпустить нас всех и отдать тело Коловрата.

Все израненные, мы двинулись назад в Рязань, неся тело бесстрашного воина, и, найдя подходящее место, похоронили его со всеми почестями. На могиле нашего героя мы все поклялись биться с врагами, мстить им за погибшего Евпатия Коловрата, за разоренные наши земли, за сожженные города.

Вернулись мы небольшим отрядом в Рязань. Немного отойдя от битвы и подлечив раны, решили мы всей оставшейся дружиной держать свой путь в град Киев.

В Киеве наша дружина распалась, все разбрелись по городу и устроились кто как смог. Мы с Анастасиюшкой вскоре поженились и стали славно и дружно жить.

Град Киев был богатый, в нем процветали ремесла, торговля, и работа мне нашлась по душе у великого мастера булата Никиты Славовича, изготавливающего ножи и мечи. Это оружие из булата гораздо лучше и крепче оружия из дамасской стали. Покупали его богатые люди. Так что жили мы безбедно, хватало нам на жизнь и приобретение небольшого домика. Я быстро овладел мастерством изготовления оружия, за что меня ценил мастер Никита.

Через два года пошли слухи, что татарские полчища опять двинулись на Русь. Вскоре появились беженцы, кочевники кипчаки и половцы. Их было множество. Они, не задерживаясь около Киева, уходили в Венгрию.

И вот татары подступили к городу, но через реку не стали переправляться, а послали послов к великому князю Михаилу. Послы хотели прельстить князя и горожан, просили, чтобы город сдался без боя, обещая, что они не будут разрушать Киев и не тронут его жителей. Зная лживость поганых, горожане убили послов и решили обороняться. Великий князь Михаил Всеволодович с митрополитом Петром вскоре исчезли из города.

Говорили люди всякое, будто князь испугался огромной татарской силы, а другие утверждали, что отправился за подмогой. Тогда галицко-волынский князь Данила Романович поручил защиту города своему воеводе Дмитру Ейковичу.

Татары в этот раз не стали брать город и ушли в степь. Горожане вздохнули свободно, думая, что Господь отвел от них беду, и посчитали, что хан Бату напугался брать неприступный город-крепость Киев. Жизнь в городе стала налаживаться, люди оправились от первого испуга, радовались, что монголо-татары оставили город в покое.

Но в сентябре 1240 года враги вновь подошли к городу с огромной силой. Когда я поглядел вокруг, поднявшись на стены крепости, то увидел, насколько хватало глаз, везде находились татарские воины. Город они обложили со всех сторон. Защищать Киев вышли все горожане.

Вскоре начался штурм. Нечестивцы лезли на стены как муравьи, защитники лили на них смолу, кипяток, кидали огромные камни, баграми сталкивали лестницы, а они вновь ставили лестницы, все лезли и лезли. Десять дней и ночей мы стояли на стенах, отбивая нападение врагов. Хан Бату приказал подвезти к стенам города стенобитные орудия с навесом. Где стены были тоньше, там не переставая били огромными бревнами, подвешенными на цепях. Наконец в

одном месте стена не выдержала и рухнула. Татары ворвались в город, и началась резня. Они уничтожали всех от мала до велика. Поджигали дома. наших воинов осталось совсем мало, но мы до последнего бились с врагом. Сам Дмитро сражался в первых рядах, весь израненный упал на кучу татарских воинов, которые полегли от его меча. На горстку оставшихся в живых наших ратников татары набросили арканы и взяли в плен. Я оказался в числе плененных.

Вскоре к нам подъехал на резвой гнедой лошадке сам Бату-хан. Он по достоинству оценил мужество воеводы Дмитро и велел сохранить ему жизнь, а я с арканом на шее вместе с другими плененными попал в рабство к татарам.

В Орде я сразу же сообразил, что мое ремесло может меня спасти от безжалостного рабства, а может быть, даже и смерти. Пленные находились в очень плохих условиях. Их не кормили, заставляли работать, жестоко избивали плетью и палками, а кто не повиновался или ослабевал, тех убивали. Я сразу же, как выдался мне случай, сообщил татарам, что умею делать из булата оружие. Вскоре в мое распоряжение дали кузницу с металлоплавильной печью и таких же несчастных рабов, как я, подмастерьев. Первые несколько татарских секир, которые я изготовил, очень понравились ханам. С тех пор за мной укрепилась

слава хорошего оружейника. Меня и моих подмастерьей кормили обедками и поили кумысом. Наше положение было намного лучше, чем у других рабов, и как выдался случай, я из плена убежал. Если бы не вы, то, наверно, ждала бы меня гибель: или бы татары изловили, или волки бы сожрали.

— А с Анастасией-то что? — с любопытством спросил князь.

— Не знаю, — печально ответил гость, — может быть, в плен попала к татарам, а может быть, погибла. Ведь когда поганые ворвались в Киев, они убивали всех подряд. Находясь в плену, я постоянно присматривался к пленным русским женщинам. Всегда думал: а вдруг живая. Только там я ее так и не встретил. Может быть, в другой улус попала? А может быть, и правда, погибла?

После рассказа Михаила Ярослав, потрясенный его трагической судьбой, долго молчал, что-то обдумывая. Затем, взглянув на беглеца, сказал:

— Эх, как бы ты мне нужен был тут в Орде! Да нельзя тебя назад возвращать. Ты у них был на виду. Они сразу же тебя узнают. И тогда у меня возникнут сложности с басурманами. А меня вызвал в Орду сам Батый, и я ему хочу предложить мир. А из-за тебя может с ними произойти ссора.

Михаил с удивлением посмотрел на

собеседника и воскликнул:

— Да какой с этими погаными может быть мир?! Да их бить надо и гнать с нашей земли!

— Это ты правильно сказал, Михаил, что надо бить их и гнать с нашей земли. Да только кто это будет делать? Нам с ними сейчас не биться надо, а договариваться, иначе они придут еще на Русь, пожгут и разрушат наши города и села. Что в этом толку? Были бы еще одни татары, а то с запада прут на нас и немцы, и шведы, и литовцы. Все хотят от Руси отхватить лакомый кусочек, насадить нам свою, папскую веру. Да и биться с татарвой некому. Все князья разобщены, каждый хочет быть сам по себе. Когда татары шли на Русь, никто друг другу не помог, а, наоборот, предали, и пошли некоторые князья на поклон к хану Бату, думая, что он их княжество не тронет. А он и тех и других побил, пожег и угнал множество народу в полон. Нам теперь объединяться надо, устоять от тех и других врагов. Сейчас Батый раздает князьям ярлыки, право на владение княжествами, за тем и меня вызвал. Он ведь тоже не дурак, ему нужна поддержка. Конечно, он, прежде всего, обложит нас данью, но это лучше, чем пустить на погибель и поругание Русскую землю.

Михаил с потухшими глазами слушал великого князя, затем лицо его вдруг преобразилось, на лице появилась злая ухмылка, он

выпалил Ярославу:

— Что ж, вы, выходит, едете к Бату-хану сдавать Русь в рабство! Чтобы мы во веки веков жили под гнетом татар! Не бывать этому!

Великий князь улыбнулся и миролюбиво ответил:

— Не сдавать мы едем в Орду Русь, а выручать. Сейчас самое главное — надо договориться с ханом, чтобы он дал нам ярлык на правление нашими же княжествами. Иначе он отдаст это другому, который будет пятки лизать татарам, нисколько не заботясь о простых людях. Тем более папа римский, немцы и шведы очень хотят, чтобы мы с татарами начали войну. Тогда у них будут руки развязаны, и они захватят северо-западные русские земли.

Михаил после слов великого князя крепко задумался. Ярослав ему не мешал, только поглядывал на него с улыбкой.

Наконец, оторвавшись от своих мыслей, гость произнес:

— А ведь правду, Ярослав Всеволодович, ты говоришь. Видно поневоле придется с татарами идти на мир. Их нам сейчас не одолеть.

— Вот то-то и оно, что не одолеть. Надо быть нам похитрее, сделать так, чтобы татары нам помогли побить немцев и шведов. Вот я тут, в степи, зачем остановился? Да для того, чтобы все

еще раз обдумать да дожждаться остальные возки с подарками хану. Уже послал навстречу часть своей дружины, чтобы татары не разграбили. Сегодня должны подъехать, а тогда и с Богом, двинем в это чертово логово.

Князь достал из сундучка грамоту, свернутую в трубку и перевязанную шелковой тесьмой, сказал:

— Эту грамоту передашь моему сыну Александру. Там все написано. О нашем долгом пути и о тебе. Будешь служить у моего сына в его дружине. Воин ты знатный. Я думаю, что у тебя будет возможность отомстить татарам, дай только срок. Сейчас Александр собирается в поход против литовцев. Совсем страх потеряли, уж сколько раз Александр давал им бою, да так, что бежали без оглядки, а нынче опять стали делать набег, грабить и угонять в плен людей. Да и весточку от меня привезешь моим сыновьям, что жив-здоров и уже добрался до Орды.

— Сумею ли я один преодолеть такой путь? — с сомнением спросил беглец.

— Сумеешь, — ответил князь и добавил: — С тобой я отправляю еще пять своих воинов и несколько лошадей, навьюченных пропитанием. Так что, готовься в путь сей же час, время не ждет, а мне надо поспешать в Орду.

Михаил встал, радостно заулыбался и с готовностью произнес:

— По твоему велению, великий князь, я готов пуститься в путь хоть куда!

— Тогда снаряжайся в ратные доспехи. А люди и навьюченные кони уже ждут тебя.

7

День для великого князя Миндовга сегодня начинался на редкость удачный. Во-первых, он был ясный, солнечный и не холодный, что предвещало хорошую охоту на кабанов, на которую он уж давненько собирался, но никак не мог вырваться, то из-за занятости, то из-за непогоды, которая не располагала для выезда в лес.

Утром, проснувшись, князь окончательно решил для себя, что сегодня он на славу проведет время, охотясь на кабанов. Он поцеловал в губы молодую белокурую красавицу жену, бодро встал и направился умываться, кликнул слугу:

— Клястутис, неси холодной воды.

Слуга, зная пристрастие князя обливаться холодной водой, уже все приготовил. И как только хозяин встал в огромное деревянное корыто, стал обливать его крепко сложенное тело с головы до ног, ежась от холода.

А Миндовг от удовольствия только побрякивал и кричал:

— Лей же побыстрее! Ох, и хорошо!

Затем, схватив толстое холщовое полотенце, висевшее на плече у слуги, стал растираться, постанывая от удовольствия. Растерев свое тело так, что оно стало розовым, князь потребовал подать одежду. С помощью слуги Миндовг надел одежду из тонко выделанной кожи с металлическими бляхами на груди, натянул телячьи ботфорты, пристегнул длинный кинжал. Он уселся за широкий стол, ожидая, когда служанка принесет завтрак. Полногрудая высокая светловолосая женщина принесла глазурованную кружку с молоком и краюху свежего душистого хлеба на серебряном подносе.

Великий князь по утрам любил пить парное молоко со свежим хлебом, и это было его любимое блюдо. Этой привычке он почти никогда не изменял, исключая походы, когда приходилось есть что придется.

Управившись с завтраком, князь вошел в обширную палату с высоким кожаным креслом, украшенным медными бляшками, напротив стоял длинный широкий стол с лавками.

Не успел Миндовг сесть в кресло, как к нему подошел один из его ближайших помощников, его дядя Викинтас, и сообщил:

— Приехали от папы римского два монаха-иезуита, Гавидо и Витал.

Князь от удивления поднял бровь, спросил:

— Чего они хотят?

— Они хотят с тобой встретиться. Говорят, что посланы папой Иннокентием четвертым.

Великий князь с раздражением проворчал:

— Опять, наверно, со своими указаниями. Как будто мы и без них не знаем, что нам делать. Хотят, чтобы мы подчинились немцам и жили под ними в рабах.

— Да ты, племянник, сильно не распаляйся, сперва выслушай их. Узнай, чего они хотят. Может, что и дельное предложат. По крайней мере мы должны узнать, что они на сей раз задумали.

— Ладно, приглашай их ко мне, а князьям, которые собрались на охоту, скажи, пусть немного подождут.

В княжескую палату не торопясь вошли иезуиты. Один из них был худощавый, высокий ростом. Одет он был в плащ из грубой льняной ткани, подпоясанный веревкой. Другой, небольшого роста, с крупной головой, с черными навывкат глазами, одетый так же, как его собрат. Монахи медленно подошли к князю. Тот, не стесняясь, в упор некоторое время их рассматривал. Затем, улыбнувшись, пригласил сесть их на лавку. Монахи молча сели, ожидая, что скажет литовский князь. На какое-то время наступила тишина, никто не начинал разговор. Выдержав паузу, Миндовг спросил:

— С чем пожаловали, монахи?

Худощавый иезуит произнес:

— Посланы мы к тебе римским папой Иннокентием четвертым по очень важному делу.

— Тогда говорите, что от нас хочет папская церковь, — и подумал про себя: «Опять, наверно, хотят заставить Литву подчиниться Тевтонскому ордену. Чтобы мы выполняли их волю».

— Папа римский Иннокентий предлагает тебе, великому князю, союз против русских княжеств и татар. Одна Литва не выстоит против ордынцев и русских, а вместе с нами тебе ничего грозить не будет. Папа коронует тебя королем, а немецкие рыцари тебе будут помогать, если враги на тебя нападут, — ответил высокий монах.

Великий князь усмехнулся и произнес:

— Немецких рыцарей позови только на помощь, а потом и не выгонишь. Нет уж, как-нибудь мы тут сами справимся. Русских нам сейчас бояться нечего. Татары пожгли и разорили их города. Только княжества Ярослава и новгородские земли, где княжит Александр, уцелели, и то, возможно, татары снова войной пойдут на них, если Ярослав в Орде не договорится с Бату-ханом.

Второй монах, небольшого роста, по имени Витал, пристально глядя на Миндовга, запальчиво заговорил:

— Вот и настало сейчас время вам со своей ратью сходить на Русь. Князь Ярослав уехал в Орду, отпор дать вам некому будет.

— Зато его сын Александр, умелый полководец, сумеет защитить княжества, — возразил литовский князь.

— Пока Александр соберет ополчение, пока явится, вы уже возьмете большую добычу и скроетесь в своих лесах. Так что не теряйте времени, а действуйте. Если русские на вас пойдут войной и вы отбиться от них не сможете, наши рыцари вам помогут, — вкрадчиво посоветовал высокий монах Гавидо.

Великий князь молчал, обдумывая про себя неожиданное предложение. Конечно, он на немецких рыцарей никаких надежд не имел. Он знал, что они только и хотят, чтобы литовцы и русские воевали, а они будут на этом руки греть. Дождутся, когда те и другие ослабнут от войн, чтобы взять их голыми руками. Но идея напасть именно сейчас ему понравилась. И действительно, почему бы не пожить в русских княжествах, взять там хорошую добычу и пленных. Сейчас он чувствовал себя очень уверенно. Он подчинил все мелкие разрозненные княжества, образовав единое государство. Пограбить ближние русские княжества для литовских князей было обычным делом. Частенько, напав на руссов, князья совершенно

безнаказанно уходили в леса. Сейчас ему хотелось, как никогда, показать перед князьями свою власть, еще раз продемонстрировать перед ними свою силу и способности умелого полководца. Предложение католиков было заманчивым, но и риск был большой. Ибо он знал, что новгородский князь ему это не простит. Уже неоднократно им были биты литовские отряды за набеги на Новгородское княжество.

Великий князь, с неприязнью посмотрев на монахов, спросил:

— Еще что-нибудь папа велел передать мне или это все ваши сообщения?

Гавидо, смиренно опустив голову, перекрестился, ответил:

— Это все, великий князь. Просто подумай, с кем тебе идти, с Русью против шведов и немцев или с русскими против всех. А татары если придут, то спасти ваши княжества будет некому.

Князь на некоторое время задумался, желая ответить посланникам так, чтобы они не расценили его ответ как враждебный настрой. Он встал со своего места и обратился к монахам:

— На ваше предложение ответ я вам сразу дать не могу. Оно очень непростое, и мне необходимо его обсудить с другими князьями. Я не могу пренебрегать их мнением. — Затем открыл небольшую дверь, которая находилась за креслом,

крикнул слугу: — Клястутис, иди ко мне.

Слуга тут же появился, вопросительно глядя на хозяина, поклонился в пояс, спросил:

— Что, мой господин?

— Этих служителей церкви устрой на жительство, напои да накорми их как следует. Вели слугам за ними присматривать, чтобы они ни в чем не нуждались, — и уже обращаясь к монахам, добавил: — А вы, божьи люди, поживите у нас, отдохните после дальней дороги, а мы пока решим, какой вам дать ответ вашему папе.

Когда великий князь вышел во двор, все уже были в сборе и готовы к долгожданной охоте. Добротные лошади были привязаны у коновязи. Слуги удерживали собак, специально приученных к охоте на кабанов. Здесь были его племянники Тутвилас, Гедевидас и его дядя Викинтас, они стояли особняком, о чем-то споря. Здесь же были неразлучные друзья Даумантас, Теренета и Вайшалгас, которые заговорщически что-то тихо обсуждали. Здесь же были и другие князья.

Увидев Миндовга, все примолкли. И князь сразу почувствовал на себе тяжелый недобрый взгляд Даумантаса.

Великий князь давно уже заметил, что Даумантас и его друзья завидуют ему, его авторитету среди князей и власти, которой он обладает на все мелкие княжества. Умный,

прозорливый и наблюдательный Миндовг понял, что он их не устраивает, что они сами хотели бы занять его место. Но это были лишь догадки, а доказательств не было. Нужно было ждать, когда они начнут действовать, тогда уж принимать меры.

Князь дал знак слуге, чтобы он протрубил в охотничий рог. Раздался призывный сигнал на охоту, князья стали садиться на своих лошадей. Слуги стали специально не кормленным собакам давать немного корма, сырого мяса.

Миндовг вскочил на резвого гнедого жеребца, которого подвел слуга, и первый выехал с княжеского двора, увлекая за собой остальных охотников.

День действительно сегодня выдался по-настоящему хорош и предвещал отличную охоту. Охотники вскоре были на месте, где водилось множество кабанов.

Слуги с собаками пошли по лесным зарослям, стараясь издавать громкие крики и трубя в охотничьи рога. Князья же ожидали с противоположной стороны, держа наготове луки и копья. Здесь нельзя было ошибиться, так как разъяренные кабаны очень опасны, особенно секачи. Требовалось точно попасть в цель, чтобы сразить животного.

И вот затрещали кусты, послышался тяжелый топот круп — ных животных, хрюканье и

повизгивание кабанов. На охотников шло большое стадо. Все приготовились. Каждый князь выбрал свою жертву.

Взвизгивая, стали падать от метких выстрелов дикие кабаны, дрыгая ногами, еще продолжая в агонии свой бег.

Великий князь не мог сразу выбрать себе жертву и уже стал расстраиваться, что он останется без добычи. Самолюбивый Миндовг представил, как князья будут над ним подсмеиваться за его неудачную охоту. Но напрасно. Он увидел, что на него движется разъяренный огромный кабан-секач с уже впившимися в его спину стрелами. Князь, прижавшись к дереву, выхватил из колчана стрелу, отставив в сторону короткое копьё. Кабан, брызгая пеной из пасти с огромными клыками, несся прямо на него. Миндовг, не теряя самообладания, стал целиться прямо в глаз секачу. В это время он почувствовал, как над его головой, немного задев шлем, просвистела стрела и глубоко воткнулась в дерево, а в кустах мелькнул силуэт знакомой фигуры. Он не стал отвлекаться, чтобы рассмотреть стрелу и с какой стороны она прилетела. Охотник прицелился и пустил стрелу. Она глубоко вошла кабану прямо в глаз. Зверь взревел, закрутился на месте, пытаясь освободиться от стрелы, сломал ее и вновь двинулся на князя. Миндовг схватил рядом стоящее копьё, весь напрягся, ожидая разъяренного

кабана. И вот огромный секач ринулся на князя. Тот подставил навстречу животному острое копьё, которое вошло в грудину зверю. Он взревел и опрокинулся набок, дергаясь в предсмертных судорогах.

Тут подросли его племянники и дядя Викингас. Увидев огромного кабана, племянник Тутвилас воскликнул:

— Вот это кабанище! И как ты, великий князь, смог его завалить!

Смахнув со лба выступивший пот, князь, обращаясь к своим родственникам, спросил, указав в сторону зарослей молодых деревьев:

— Вы не видели, кто из охотников там находился?

— По-моему, там находились князя Теренета и Вашалгас, — ответил Тутвилас.

— А что тебя так интересуеет, кто там, в засаде сидел? — в тревоге спросил племянник.

Великий князь показал на воткнувшуюся в дерево стрелу, сказал:

— Кто-то в меня стрелял. И кому это нужно?

— Наверно, нужно, если стреляли, а для верности еще на тебя огромного секача пропустили, — задумчиво произнес Викингас.

— Позови ко мне князей Даумантаса, Теренету и Вайшалгаса, — попросил великий князь, обращаясь к племяннику Тутвиласу.

Племянник пошел исполнять волю своего дяди. Уже через некоторое время позванные князя стояли перед Миндовгом.

Великий князь, указав на стрелу, воткнутую в дерево, грозно спросил:

— Кто из вас стрелял?

Князья переглянулись, затем Даумантас ответил:

— Я тоже хотел бы знать, чья это стрела. Но на нас, великий князь, ты думаешь напрасно. Мы, правда, сперва хотели засаду делать там, — он показал на заросли, откуда прилетела стрела, — а потом перешли в другое место. Может, кто-нибудь из охотников случайно выстрелил?

— Может, и случайно, но почему-то стрела была направлена не в секача, а целились мне в голову. Даже самый неопытный охотник и тот так случайно не пустит стрелу, — ответил Миндовг и добавил: — Конечно, доказать все это сложно, если стрелка за руку не поймали.

— Напрасно, великий князь, ты о нас плохо думаешь. Хоть мы с тобой не во всем согласны и часто спорим, но это не повод, чтобы убивать тебя.

— Ладно, может и правда, случайно прилетела стрела, но всех предупреждаю: узнаю, кто это был, сразу же отправлю на виселицу, — и, обращаясь к слуге, велел: — Труби всем общий сбор, будем возвращаться домой.

После всех событий у князя испортилось настроение, он не захотел жарить тушу кабана прямо в лесу на костре, как это делалось раньше, с большим возлиянием вина.

* * *

Вечером на своем княжеском подворье Дауамантас со своими друзьями принимал иезуитов Гавидо и Витала. Велись переговоры с монахами о том, чтобы поточнее узнать, что предлагает папа римский Литве.

Иезуит Гавидо рассказал князьям все, что желает католическая церковь от великого князя Миндовга, а в заключение сказал:

— Мы вам предлагаем совместные действия против русских и татар. Ведь вашему маленькому государству не выстоять против них.

— И что же вам ответил великий князь? — поинтересовался Дауамантас.

— Великий князь не дал нам никакого ответа, но что-то подсказывает мне, что он не согласится. Потому что заявил, что если позвать на помощь немцев или шведов, то потом их со своей территории не выгнать.

После этих слов князь подумал про себя: «И действительно, потом от них не отделаешься. А что если поиграть с ними и при помощи римской

церкви убрать Миндовга со своей дороги?»

Даумантас со своими друзьями не любили великого князя за его властность, удачливость в походах, за то, что великий князь сумел создать крепкое государство. Вот за это он и его друзья завидовали ему, боялись и ненавидели.

Отвлечшись от своих мыслей, князь Даумантас сказал, обращаясь к иезуитам:

— Если вы поможете нам убрать великого князя, то мы, пожалуй, согласимся с папой римским.

8

В татарском городе Ярослав Всеволодович в юрты селиться не стал, а попросил у Бату-хана, чтобы отвели ему место для расположения шатров. Татары его просьбу выполнили. И уже через некоторое время русские установили около десятка шатров. В центре стоял большой красивый шатер великого князя, а по кругу расположились дружинники и слуги.

Время шло, а хан Батый не спешил встречаться с князем Ярославом. Татарские воины постоянно находились около шатрового городка и неусыпно следили за прибывшими русскими.

Ярослав узнал, что в Орду прибыл и черниговский князь Михаил Ярославич, чтобы

получить ярлык на княжение в черниговских землях. У него было большое желание встретиться с Михаилом. Но татары никого в его городок не впускали и не выпускали. Пока посольство князя Ярослава жило особняком. Он узнал, что Михаил Ярославич не захотел подчиниться обычаям татар и не стал проходить между огней, заявив, что он их обычай не понимает и не хочет выполнять. Тогда хан Бату сильно разгневался и не стал принимать его, а отправил назад, так и не встретившись. Князь уже несколько месяцев жил в Орде, но Бату-хан его так и не принимал.

Терпение Ярослава Всеволодовича кончалось, и он вызвал к себе своего переводчика Борислава и священнослужителя Азария. Ему было необходимо с кем-то посоветоваться и обсудить сложившуюся обстановку.

Приглашенные тут же явились. Князь усадил их за стол, сел рядом и, глядя на прекрасно знающего татарский язык Борислава, который с его сыном Константином провел у татар почти два года, спросил:

— Как ты думаешь, Борислав, что задумали татары, почему Бату нас не принимает?

— Не волнуйся, Ярослав Всеволодович, это у них в порядке вещей. Некоторые князья живут по несколько месяцев, и если его человек не очень интересуется, то он долго будет ждать, а потом

неожиданно пригласит. Поэтому к встрече надо быть всегда готовым, а уж если позовут, надо отдать уважение их обычаям, слушать внимательно хана, он пустой болтовни не любит, а в конце одарить подарками. Бывает, что расположение хана зависит от числа подарков и их ценности.

— За подарками дело не станет, — усмехнувшись, ответил князь, — лишь бы он нам ярлык распорядился выдать.

— Это кому как, некоторым приходится еще дальше продолжить путь — это в Каракорум. Я тут с некоторыми знатными татарами разговаривал, так они мне рассказали новости. Говорят, что великий хан Угэдэй скончался и кааном назначен малолетний сын Гуюк, и теперь правит всем Каракорумским царством его мать Туракин-ханум. Очень своенравная и капризная женщина. С Батуханом у них не очень-то хорошие отношения, поэтому-то Бату никого и не принимает, даже, говорят, с расстройства заболел.

— Ты бы узнал, Борислав, у татар, когда же хан будет нас принимать.

— Сегодня же и узнаю. К нам назначен ученый писарь Алан, он нас будет везде сопровождать. Скоро он к тебе явится. Если вы с ним поладите, он во многом сможет помочь. К тому, что он будет говорить и советовать, надо прислушиваться. И не забывать дарить ему

подарки, татары это любят.

Азарий перекрестился, молвив полупшепотом:

— Господи! Господи! Дай удачи Ярославу Всеволодовичу! Укроти гордыню и гнев татарского супостата Бату-хана.

В шатер вошел слуга Ефим и, поклонившись в пояс, произнес:

— Светлый князь, явился ученый писарь Алан, желает с тобой поговорить.

— Пусть заходит. Принеси нам, Ефим, сладкого вина со сладостями.

Слуга, откинув полу шатра, позвал гостя:

— Алан, великий князь ждет тебя, заходи.

Вошел небольшого роста человек, с чалмой на голове, черной с проседью бородкой и, приложив руку к сердцу, поклонившись в пояс, сказал:

— Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Мир вашему дому!

— Проходи, Алан. Присаживайся на лавку. Расскажешь нам последние новости двора хана Бату, — пригласил князь пришедшего.

Ученый писарь, не отрывая руку от сердца, кланялся всем со словами:

— Мир вашему дому! — затем смиренно присел на лавку, куда указал Ярослав.

Ефим на большом золотом блюде внес сладости, кувшин из венецианского стекла и серебряные кубки, отделанные золо — том.

У Алана при виде золоченой дорогой посуды загорелись глаза, что не ускользнуло от наблюдательного князя. Он про себя отметил: «Жаден татарин, это уже хорошо, можно будет все, что нужно, узнавать у него. Но что-то он не похож на татарина, наверно, восточный человек, из какого-нибудь Багдада, их тут много». И тут же спросил, обращаясь к гостю:

— Что-то ты на татарина не похож.

Алан улыбнулся, ответил:

— Это ты, великий князь, верно подметил. Я действительно не татарин, а восточный человек из Багдада, но в Орде живу давно, с тех пор как попал к ним в плен. Способность к разным языкам дала возможность мне стать ученым писарем при дворе Бату.

— А что у нас будешь делать, вернее, зачем ханы приставили тебя к нам? — напрямую спросил Ярослав.

Сарацин, нисколько не смутившись, ответил:

— Буду вам помогать и направлять вас, чтобы не наделали непоправимых ошибок. Здесь многие посланцы, не зная обычаев татар или не уважая их, поплатились жизнью. Скажу вам по секрету, что Бату-хан очень заинтересован в вашем посольстве и желает в ближайшее время с вами встретиться. Он уважает таких, как ты и твой сын Искандер, как отважных и мужественных нукеров.

Ярослав Всеволодович, внимательно слушая собеседника, разлил терпкое вино по кубкам и предложил:

— Давайте выпьем за великого Бату, да продлит господь ему счастливые годы жизни!

Ученый писарь, масляно улыбаясь, добавил:

— И за великого князя Ярослава Всеволодовича и непобедимого полководца, его сына князя Искандера.

После нескольких кубков вина лицо Алана раздурмянилось, он расплылся в улыбке, довольный, что русские его с почетом принимают.

Ученый писарь наклонился к уху князя и зашептал:

— Я знаю тайну, которая вас очень заинтересует.

— Это какую же такую тайну? — заинтересовавшись, спросил Ярослав.

— Если вы будете ее знать, то избавитесь от многих бед, — ответил гость и примолк. Князь с недоумением глядел на собеседника, ожидая сообщения. Но тот молчал, продолжая улыбаться, поглаживая свою бородку.

Борислав пододвинулся к Ярославу и тихо сказал:

— Он ждет подарка. Дай ему что-нибудь, и непременно из золота.

Князь, недолго думая, отстегнул от пояса нож

из булатной стали с искусно отделанной слоновой костью и золотом ручкой. Он протянул писарю дорогое оружие со словами:

— Дарю, Алан, тебе этот кинжал, которому нет цены. Пусть он будет тебе помощником в добрых делах, для того чтобы порезать хлеб или кусочки мяса.

Ученый писарь расплылся в благодарной улыбке. Приложив руку к сердцу, стал кланяться со словами:

— Получить от русского нукера это бесценное оружие — для меня большая честь!

Он в обе руки принял клинок, поцеловал его, сказав:

— Клянусь Аллахом, что этот нож никогда не будет использован против человека, только для защиты! — и пристегнул кинжал к поясу.

После этого собеседники опрокинули еще по два кубка вина, и уже тогда Алан сообщил:

— Раньше вас в Орду прибыли посланцы из Рима от Иннокентия четвертого, папы римского. Хан Батый их принял и остался очень доволен их дарами и предложением жить в мире и дружбе. За это хан одарил их кардинала женой из собственного гарема, — гость опять расплылся в улыбке и даже захихикал.

Ярослав с удивлением спросил:

— А что кардинал, остался недоволен?

— Может, он и доволен, только по их вере они не должны иметь женщин.

— Ну и что он теперь с ней делает? — рассмеявшись, спросил князь.

— Я уж не знаю, великий князь, что он с ней делает, но знаю одно, что от подарков хана никто не имеет права отказываться. Когда он дарит подарки, это большая милость. Отказавшийся объявляется врагом, и его, соответственно, убивают.

— Да! — произнес князь, не зная, что ему делать — удивляться или принять для сведения обычаи татар.

— Вот поэтому я вас заранее предупреждаю: что бы ни дарил Батухан, нравится вам подарок или нет, делайте хотя бы вид, что вы очень довольны. А он очень любит дарить своих женщин, это для него ничего не стоит.

— Так и меня, выходит, он может одарить женщиной! — с возмущением произнес князь.

— Вполне возможно, а что ты так, князь, испугался, ты же ведь не монах?

— Так-то оно так, но вот в моей голове не укладывается все это.

— Ничего, князь, привыкнешь, если хан пошлет тебя в Каракорум, то всего насмотришься.

— Неужели пошлет? — с раздражением спросил Ярослав.

— Скорей всего, пошлет. А почему? Я тебе все сейчас расскажу. Слушай внимательно и не перебивай. Католики-иезуиты уже встретились не только с Бату-ханом, но с его старшим братом Орду и провели переговоры. О чем шла речь? Я тебе, великий князь, сейчас все доподлинно сообщу. Речь шла о том, что якобы русские князья объединяются, чтобы дать Орде отпор, и будто поведут их против татар ты и твой сын Искандер.

От удивления у Ярослава даже челюсть отвисла, но он, совладав с собой, воскликнул:

— Ну и подлецы католики! Вот гады, что удумали! Решили поссорить нас с татарами, чтобы меж нами война шла! А сами натравят немцев и шведов, чтобы наши земли захватить под шумок. Нет, не бывать этому, сделаю все, что могу, но с татарами договорюсь.

— Это правильно ты рассуждаешь, великий князь, — заметил Алан и посоветовал: — Надо добиваться встречи с ханом Бату один на один или в его узком кругу. Я постараюсь тебе это устроить. Только сам продумай, о чем ты будешь говорить с великим ханом. Надо, самое главное, заинтересовать его.

— Так чем же я его могу заинтересовать? — озадаченно произнес князь. — Разве что подарками. Так ему этих подарков столько дарят, что мои покажутся ничтожными.

— Не скажи, великий князь. Давая подарки, говори хану, что ты этим ему будешь платить дань. Ты, князь, учти, что у Батухана огромная армия, и ее надо кормить. В отличие от немцев и шведов, которые претендуют на ваши земли, татарам от вас нужна дань. За это вы будете в чести у Бату-хана.

— Где ж мне столько дани собрать, чтобы кормить оголтелую армию татар? — с раздражением произнес Ярослав.

— Тебе и собирать не надо. У тебя все это есть в твоих богатых княжествах. Это мед, пшеница, скот, шкуры зверей. Вот это нехитрое богатство очень нужно Бату-хану.

— И правда, князь мой светлый, правильно он говорит. Все эти богатства у нас есть, и мы сможем давать дань хану, — поддержал писаря священнослужитель Азарий.

— Ох, не так просто это будет делать, — в сомнении покачал головой Ярослав Всеволодович и решительно добавил: — Видимо, придется постараться, чтобы спасти Русь от грабежей и разорения.

В шатер вошел слуга Ефим и сказал:

— Прискакал посланник от Бату-хана и сообщил, что хан Батый ждет тебя, великий князь, в шатре и просит немедленно явиться.

От такого сообщения князь даже растерялся, затем махнул рукой и произнес, обращаясь к своему

слуге:

— Сообщи всем, пусть собираются. Готовят подарки. Пойдем на встречу к Бату-хану.

— Я пойду с вами на прием и помогу вам во всем, покажу и расскажу, где что делать, что говорить, чтобы по незнанию не нарушить обычаи татар.

Князь удалился во вторую половину шатра, чтобы привести себя в соответствующий порядок и выглядеть как настоящий витязь. И действительно, через некоторое время князь вышел к людям и стал распоряжаться по подготовке к приему хана. Он прекрасно понимал, что от первого знакомства многое зависит; самое главное, как на него взглянет хан и произведет ли князь на него впечатление.

Вскоре Ярослав в окружении своих воинов подошел к большой юрте Бату-хана. Князь выглядел великолепно, как настоящий русский богатырь. Он был широк в плечах, на которые была наброшена красная накидка, шитая золотом. На груди сверкали пластинчатые доспехи. На голове — отделанный золотом и серебром шлем. Князь хоть и был уже в возрасте, но выглядел стройным, крепко сложенным. Из-под шлема виднелись темно-русые с проседью волосы. Борода и усы коротко подстрижены. Лицо было мужественное, решительное, а глаза светились отвагой.

Ученый писарь Алан и переводчик Борислав

находились рядом.

Алан, наклонившись к уху Ярослава, зашептал:

— Сейчас нукер-сотник даст нам знак идти в юрту хана. Мы войдем к Бату втроем. Остальные твои воины с подарками пусть ждут здесь; когда надо, я их приглашу. Нужно будет пройти меж огней, иди смело, ничего не бойся и ничего не говори и не трогай.

— Зачем идти-то меж огней? — с удивлением спросил князь.

— Таков их обычай. Называется освобождение от злых духов, болезней и всякой скверны. И еще при входе в юрту нукеры снимут с тебя меч. Не вздумай сопротивляться. С оружием в юрту хана никто не должен входить.

— Хоть и не нравится мне все это, но придется подчиниться, — согласился великий князь.

— Ну, князь, пошли, — сказал писарь и подтолкнул Ярослава под локоть.

Первым пошел великий князь, за ним, ступая след в след, Алан и Борислав. Они благополучно прошли меж огней и, отдав оружие татарским воинам, вошли в ханскую юрту. Она была ярко освещена толстыми разноцветными сальными свечами. Пахло чем-то кислым и в то же время приятными благовониями.